ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ТЫ СПИШЬ?

КЭТЛИН БАРБЕР

Кэтлин Барбер

Ты спишь?

Серия «Психологический триллер (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43299911
Ты спишь?: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-107012-0

Аннотация

Джози Бурман лжет уже десять лет. Ложь – каждое слово, которое она говорила о себе и своем прошлом. Ложь – все, что знает о ней любимый человек. Даже фамилия у этой приятной и вполне обычной на вид девушки ненастоящая.

А правда – это загадочное убийство отца, мать, сбежавшая из дома и вступившая в секту, сестра, жестоко предавшая Джози.

Но вот эта правда выходит наружу. Известная криминальная журналистка Поппи Парнелл начинает собственное расследование преступления, разрушившего когда-то жизнь семьи Джози, и привлекает к нему внимание множества людей.

Джози осознает: ложь больше не спасет. Теперь, чтобы надеяться на будущее, ей придется встретиться с прошлым лицом к лицу.

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 40
Глава 3 49
Глава 4 64
Глава 5 84
Глава 6 100
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Кэтлин Барбер
Ты спишь?

Посвящается маме

Kathleen Barber
ARE YOU SLEEPING

© Kathleen Barber, 2017
© Школа перевода В. Баканова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Отрывок из расшифровки: «Пересмотр дела: убийство Чака Бурмана», серия 1: «Введение в убийство Чака Бурмана», 7 сентября 2015 года

У Чарльза «Чака» Бурмана не было врагов. Добродушного профессора, преподававшего американскую историю в небольшом гуманитарном колледже на Среднем Западе, уважали коллеги и любили студенты. Каждый год учащиеся исторического факультета колледжа Элм-Парк выбирали любимого профессора при помощи неформального голосования, и Чак Бурман неизменно становился победителем. Не меньшим авторитетом пользовался профессор

и у себя в городке Элм-Парк, Иллинойс. По воспоминаниям жителей, Чак Бурман безвозмездно участвовал в различных волонтерских проектах, таких как организация ежегодного городского парада на Хэллоуин, распространение лотерейных билетов в поддержку местного центра искусств и дежурство за кассовым аппаратом на библиотечной распродаже. Даже семейная жизнь Чака Бурмана выглядела идиллически: молодая красавица-жена и две обожающие его послушные дочери.

Чак Бурман являлся живым воплощением американской мечты. Однако 19 октября 2002 года этого популярного и душевного человека настигла преждевременная смерть – его застрелили в затылок, в упор, на собственной кухне.

По обвинению в убийстве арестовали соседа, семнадцатилетнего Уоррена Кейва. Его признали виновным. Сейчас он отбывает пожизненное тюремное заключение.

Убийство Чака Бурмана – преступление ужасное и бессмысленное. Утешает одно – справедливость восторжествовала, верно?

Верно?

Вот только что, если Уоррен Кейв этого *не делал*? Вдруг он отбывает наказание за убийство, которого не совершал?

Меня зовут Поппи Парнелл, и с вами «Пересмотр дела: убийство Чака Бурмана». Следующие недели я посвящу поиску ответов на эти – и другие, возникающие

по ходу, – вопросы. Моя цель? Пристально изучить слабые доказательства, которые погубили, возможно, невиновного, а также выяснить правду – или похоронить наконец все сомнения – о той роковой ночи в октябре 2002. Надеюсь, вы составите мне компанию на этом пути.

Глава 1

После полуночи ничего хорошего не происходит. По крайней мере, именно так тетя А. когда-то отвечала на наши просьбы вернуться домой попозже. Мы фыркали, закатывали глаза и с надрывом объявляли, что она губит наши отношения с друзьями, однако со временем я убедилась в тетиной мудрости. Между полуночью и рассветом случаются только неприятности.

Поэтому при звуке телефонного звонка в три часа ночи я первым делом подумала о плохом: «Что-то произошло».

Машинально потянулась к Калебу – и рука нащупала лишь холодную простынь. Дыхание перехватило, и лишь через мгновение я вспомнила: Калеб три недели назад уехал инспектировать гуманитарных работников в Демократическую Республику Конго. В полудреме я сообразила, что там сейчас восемь утра. Он, видимо, забыл про разницу во времени или неправильно ее посчитал. Правда, такие ошибки ему не свойственны.

Телефон зазвонил вновь, я схватила трубку с поспешной радостью, с нетерпеливым предвкушением – сейчас услышу знакомый новозеландский акцент Калеба, сейчас он мягко скажет:

– Джо, любимая.

В трубке была тишина. Я разочарованно вздохнула. Звон-

кам Калеба из-за границы часто сопутствовали невыносимое запаздывание слов, эхо и странные щелчки, но в эту поездку помехи досаждали нам постоянно.

– Алло? Калеб? Связь плохая…

Слова еще не успели сорваться с губ, а я уже заметила отсутствие помех на линии. Связь была прекрасной. Настолько прекрасной, что я даже слышала дыхание на другом конце трубки. И… еще какой-то звук. Что это? Я напряженно прислушалась. Похоже… кто-то напевает с закрытым ртом? Хотя мелодия знакомая, толком не разобрать. По спине пробежали мурашки.

– Калеб, – вновь позвала я. – Я кладу трубку. Если ты меня слышишь, перезвони. Я по тебе скучаю.

За секунду до того, как я нажала отбой, из трубки донесся тихий женский голос, знакомый до умопомрачения:

– Я тоже по тебе скучаю.

Я выронила телефон. Руки дрожали, сердце выскакивало из груди. «Просто помехи», – сказала я себе. Эхо моих же собственных слов. Не было никакого «тоже». В конце концов, сейчас три часа утра. Звонила не она. Прошло десять лет, она не стала бы мне звонить, тем более вот так.

«Произошло что-то плохое».

Я открыла на телефоне список входящих звонков. Не обнаружила никаких подсказок, лишь расплывчатое «НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР».

«Произошло что-то плохое», – вновь подумала я и тут же

строго себя одернула. Звонил Калеб, просто отвратительная межконтинентальная связь, обычное дело.

Однако заснуть я смогла лишь после второй дозы сиропа от кашля.

* * *

Проснулась я почти в одиннадцать, и при свете дня таинственный ночной звонок показался лишь дурным сном. Я без тени сомнений отослала коротенькое электронное письмо Калебу («Жаль, ночью не поговорили из-за плохой связи. Жду новых звонков. Целую») и зашнуровала кроссовки для бега. В дверях старинного особняка, расположенного в районе Коббл-Хилл, остановилась поболтать о погоде с пожилой соседкой с первого этажа, затем рванула в сторону набережной, к парку Бруклин-Хайтс-Променад.

Два года назад, когда мы с Калебом переезжали из Окленда в Нью-Йорк, я предвкушала гламур повсюду, даже в повседневной жизни. Представляла, как стану рассматривать новейшие образцы искусства по дороге к поезду, привыкну выбирать негибридные помидоры бок о бок с Мэгги Джилленхол на бруклинском сельскохозяйственном рынке и буду наслаждаться великолепным видом на статую Свободы во время пробежки по Бруклинскому мосту. В действительности же стрит-арт в основном сводился к меловым квадратам для игры в классики да редким надписям краской на му-

сорных баках. Я ни разу не покупала негибридные помидоры на сельскохозяйственном рынке, потому что цена на них была совершенно астрономической, а знаменитость я встречала лишь одну – героиню телешоу «Настоящие домохозяйки» (которая, надо заметить, очень громко возмущалась ценой на эти самые помидоры). Пробежки по Бруклинскому мосту оказались хорошей идеей в теории, но ужасной – на практике. На мосту вечно толпились туристы с фотоаппаратами, велосипедисты и просто гуляющий народ. Мне гораздо больше понравился спокойный Променад – с широкой дорожкой вдоль берега реки, восхитительным отсутствием туристов и не менее восхитительным видом.

Домой я вернулась потная и взбодрившаяся, времени хватило лишь на то, чтобы принять душ и соорудить бутерброд, – меня ждала вторая смена в книжном магазине. В детстве я свято верила, что каждый день буду ходить на работу в костюме и на шпильках (варианты воображаемого одеяния менялись вместе с моим настроением, но часто напоминали наряды Кристины Эпплгейт в сериале «Не говори маме, что няня умерла»). Я-подросток пришла бы в ужас, увидев себя-тридцатилетнюю на работе в джинсах и кедах, и наверняка сочла бы это провалом. Однако меня совершенно устраивала работа в книжном магазине, хоть она и не соответствовала придуманному когда-то образу. На заре нашего пребывания в Нью-Йорке я попробовала найти какую-нибудь административную должность и обратилась в агентство

по временному трудоустройству, но там меня довели до белого каления, а вскоре я узнала о вакансии в книжном магазине рядом с домом. Я начала с нескольких часов в неделю, одновременно подрабатывая баристой, и постепенно увеличила нагрузку до полной рабочей недели. Я любила проводить время в книжном магазине, любила бродить среди историй и помогать покупателям в поиске книг. В минуты затишья читала биографии американских президентов и мысленно твердила: однажды я все-таки найду применение своему историческому диплому, полученному онлайн.

Сегодня я работала с Кларой, чьи роскошные эфиопские черты лица и внушительная коллекция футболок литературной тематики вызывали во мне зависть. Среди моих нью-йоркских знакомых жизнерадостная и сердечная Клара больше всех соответствовала званию друга. Иногда мы вместе ходили на йогу или на пробежку; порой Клара приглашала меня полюбоваться на того или иного приятеля в очень-очень внебродвейском спектакле или послушать поэтические чтения. В начале лета по вторникам я, Калеб, Клара и ее теперь уже бывшая девушка объединялись в команду для участия в викторине в баре на Корт-стрит, и эти вечера были для меня самым ярким событием недели.

Бывшая девушка вновь начала звонить Кларе, и та попросила моей помощи в расшифровке их последнего разговора. Мы расставляли на полках новую партию книг и гадали, что означает финальное «увидимся» – то ли «давай встретим-

ся», то ли «может, когда-нибудь случайно пересечемся». Колокольчик над дверью оповестил о появлении покупателей, и мы с Кларой дружно выглянули из-за полок.

Я не верю в знаки. Не придаю значения судьбе, не переживаю при виде черного кота, перебегающего дорогу, а карты Таро раскладываю лишь смеха ради. Однако сегодня было самое время начать верить в знамения: именно сейчас, когда память еще будоражил странный голос из телефонной трубки, в магазин вошла женщина с двумя дочерьми-близнецами. Перед глазами у меня все поплыло, колени ослабли. Я впилась пальцами в ближайшую столешницу, чтобы не упасть.

– Здравствуйте, – сказала женщина. – Я ищу книги про Нэнси Дрю. У вас есть?

Я молча кивнула, не в силах оторвать взгляда от близнецов. Дело не в том, что они были похожи на нас, – совсем не похожи. Обе светленькие, с веснушчатыми щеками и большими темными глазами – полная противоположность нашим чернильно-черным волосам и голубым глазам. Вдобавок девочки явно не ладили: дули губы и временами награждали друг друга толчками и пинками за материнской спиной. Мы с Лани никогда не ссорились. Точнее, не ссорились, пока не повзрослели. Однако было в этих близняшках что-то, некий эмоциональный заряд, который едва не лишил меня чувств.

– Конечно. – Клара поспешила на помощь женщине. – Да-

вайте я покажу.

Я извинилась и сбежала в туалет, чтобы не смотреть на девочек. Вновь открыла список входящих звонков на мобильном. «НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР». Вдруг это был не Калеб? Неужели Лани? Я не разговаривала с сестрой почти десять лет; если она позвонила, значит, и правда произошло что-то плохое.

Когда я вернулась из туалета, близнецы с матерью уже ушли.

– Да… – сочувственно протянула Клара. – У меня при виде близнецов тоже всегда мороз по коже. Наверное, остаточная травма от просмотра «Сияния» в нежном восьмилетнем возрасте.

– «Сияния»? – переспросила я, еще не отойдя от потрясения. Книгу Стивена Кинга я читала, но никаких близнецов не помнила.

– Ты серьезно? Не видела «Сияние»?! Мои старшие братья крутили его без перерыва. Потом гоняли меня по дому с воплями: «Овтсйибу! Овтсйибу!» – Клара с ласковой улыбкой покачала головой. – Вот придурки.

– Я единственный ребенок в семье, – ответила я. – Ни братьев, ни сестер. Так что меня никто не заставлял смотреть страшные фильмы.

– Да, ты много потеряла. Какие планы на вечер? Если ничего грандиозного нет, то сегодня однозначно идем ко мне смотреть кино.

Я с готовностью кивнула: проводить вечер в одиночестве почему-то не хотелось, да и фильм меня бы отвлек. Именно так я думала, пока не пришел ответ Калеба: «Прости, милая, но ночью я не звонил. Интернет-связь в последние дни плохая, звонки не тянет. С работой все хорошо. Идем по графику. По идее, через недельку вернусь домой. Скоро буду знать точно. За салат готов убить. Ужасно по тебе соскучился. Люблю, целую».

Письмо напугало меня куда сильнее той жути, что творилась в отеле «Оверлук» Стивена Кинга. Раз звонил не Калеб, значит, это точно была Лани. На меня нахлынули воспоминания: Лани крутится волчком под ночным небом, в раскинутых руках – бенгальские огни; Лани захлопывает передо мной дверь спальни, в глазах ненависть, губы поджаты; Лани откидывает одеяло на моей односпальной кровати и забирается рядом, тепло дышит мне в щеку, шепчет: «Джози, ты спишь?» – и, как обычно, не дожидаясь ответа, начинает тихонько делиться секретами в темноте.

– Джозинка-Мимозинка, хочу тебе кое-что рассказать, – заявила однажды Лани, голос ее звенел от возбуждения. – Только пообещай, что это останется между нами. Все, произнесенное тут, в спальне, – только между нами, навсегда.

– Навсегда, – согласилась я и изобразила наш тайный знак: безымянным пальцем обхватила палец сестры. – Обещаю.

Секрет Лани состоял в том, что днем она поцеловалась с восемнадцатилетним вожатым нашего дневного теннисного

лагеря. Скандальное откровение, учитывая, что нам тем летом было тринадцать лет и что Лани вскружила голову красивому мальчику и заставила его позабыть о своих обязанностях. Я пришла в возмущение, зашипела – мол, родителям такое не понравится.

– Им знать не нужно, – отрезала сестра. – Помни: только между нами. Навсегда.

«Навсегда».

Ее голос отчетливо звучал у меня в голове. Звонила наверняка Лани. Перезвонит ли она?

Если да, то отвечу ли я?

* * *

Следующий день был у меня выходным, и я на метро поехала на фермерский рынок Юнион-сквер. Однако местные толпы, захватанные груши и капуста кале меня разочаровали. В результате я сделала покупки в (не менее многолюдном) супермаркете здоровой еды «Хоул фудс». На обратном пути я сидела в поезде, идущем по маршруту R, и старательно удерживала на коленях две сумки с замороженными вегетарианскими гамбургерами и непомерно дорогими, но красивыми продуктами. Неожиданно до меня долетела чья-то фраза:

– Чувак, слышал про убийство Чака Бурмана?

В ушах зашумело, перед глазами все поплыло. Я не слы-

шала имени отца больше десяти лет, и от того, что оно вот так, мимоходом, слетело с губ какой-то тощей девчонки с пирсингом, у меня скрутило живот.

– Ты про подкаст, о котором все гудят? – уточнил ее приятель. – Я подкасты не люблю.

– Этот классный! Поверь. Просто офигенный. Парня признали виновным в убийстве, так? Но доказательства были, как их там, косвенные. Главное доказательство – дочка убитого заявила, будто все видела. Только вот прикол: сперва она говорила, что вообще ничего не видела. Врала, понятно. Но про что именно? Обязательно послушай, реально затягивает.

Поезд уже тормозил перед Корт-стрит, а девчонка все продолжала восхищенно расписывать подкаст. Я впала в прострацию; казалось – не смогу даже от сиденья оторваться, а тем более одолеть лестницу и доползти до квартиры. Я встала, колени подогнулись; с трудом смогла протиснуться сквозь толпу на станции и осилила ступени. Правда, в полубессознательном состоянии выбрала не тот выход, вынырнула на поверхность с другой стороны Боро-Холла и проплелась два квартала в противоположном от дома направлении, прежде чем пришла в себя. Сориентировалась и, кое-как переставляя ноги, дотащила домой себя и сумки.

Вставила ключ в замок, помедлила. За несколько недель после отъезда Калеба я возненавидела тишину, воцарившуюся в квартире. Мне не хватало безобидного беспорядка, бы-

ло противно смотреть на лежащие на местах вещи. В гостиной я давно не спотыкалась о кроссовки Калеба с раскинутыми в стороны шнурками – словно тоненькими ручками. В ванной больше не стояли чашки с недопитым кофе, из диванных подушек не выглядывали зачитанные до дыр книги, радиоприемник с таймером не исполнял классический рок для пустой спальни. Я ощущала отсутствие Калеба по исчезновению мелких раздражителей, и они бередили мне душу при каждом возвращении домой.

Однако сейчас, когда моя рука с ключом дрожала, а в голове стучало имя отца, я порадовалась уединению. Мне оно было нужно.

Я бросила покупки у двери, позволив вегетарианским гамбургерам медленно размораживаться на полу, и поспешила к ноутбуку. Непослушными пальцами ввела в строку поиска имя отца. Когда увидела результат, к горлу подступил ком. Множество страниц, неимоверный парад из новостных заметок, авторских статей и публикаций в блоге – все датированы последними двумя неделями. Я перешла по первой ссылке. Вот он, подкаст.

Слова «Пересмотр дела: убийство Чака Бурмана» были выведены жирными красными буквами поверх размытой черно-белой фотографии отца. Он использовал этот снимок для работы и выглядел здесь не столько преподавателем колледжа, сколько карикатурой на него: твидовый пиджак, перекошенные очки, густая черная борода. Едва заметный ого-

нек в отцовских глазах окончательно лишил меня сил.

«Папочка…»

Я резко захлопнула ноутбук и спрятала его под кипой журналов. Дышать стало легче: теперь на меня смотрела лишь Ким Кардашьян; смотрела с обложки бульварной газеты, которую я, к своему стыду, купила недавно в ожидании поезда – очередное доказательство того, как мне плохо без Калеба.

Кузина Эллен не ответила на звонок, и я оставила голосовое сообщение с требованием рассказать, что ей известно о подкасте. Двадцать минут просидела на диване, заклиная телефон позвонить, и наконец сдалась. Стала искать себе занятие, чтобы отвлечься: разобрала покупки; вытерла лужу, оставленную на пороге гамбургерами; набрала ванну, не стала ее принимать и спустила воду; начала красить ногти на ногах в мрачный темно-фиолетовый цвет, но бросила после третьего ногтя.

Помогло красное вино. Только влив в себя большой бокал, я сумела кое-как успокоиться и вернуться к сайту с подкастом. Я вновь наполнила бокал и отодвинула журналы. С опаской открыла ноутбук.

Сайт никуда не делся, он по-прежнему рекламировал подкаст, обещающий «пересмотреть» папино убийство. Я озадаченно нахмурилась. Что тут пересматривать? Уоррен Кейв убил моего отца, был признан виновным и сейчас отбывает наказание. Как эта Поппи Парнелл, чье имя вызывает ас-

социации с тряпичной куклой, а не с криминальным журналистом, умудрилась сочинить целый сериал?.. Подтрунивая над собой, я подвела курсор к кнопке «Загрузить сейчас» возле первой из двух выложенных серий. Осмелюсь ли я запустить видео? Я в нерешительности покусала губы, сделала еще глоток вина для храбрости и нажала.

Эллен позвонила, как только закончилась загрузка первой серии. Охваченная нездоровым возбуждением, я чуть не сбросила звонок – так хотелось послушать подкаст.

– Эллен?

– Не слушай подкаст.

Я шумно выдохнула – даже не заметила, когда задержала дыхание.

– Там что-то плохое?

– Там сплошной бред. Бред, из которого хотят сделать сенсацию. Вашу семейную трагедию эта псевдожурналистка превратила в шоу. Мерзко. Питер уже изучает, нельзя ли ее засудить – за дискредитацию, или клевету, или как там правильно. Он юрист, он выяснит.

– Серьезно? Думаешь, он может все остановить?

– Питер может достичь успеха во всем, за что берется.

– Например, жениться на женщине, которая младше его в два раза?

– Нашла время для шуток, Джози, – с усмешкой упрекнула Эллен.

– И то верно. Это от нервов. Поблагодари, пожалуйста,

своего почтенного супруга за помощь.

– Как только что-то выясню, сразу сообщу. Ты как?

– Ну, во-первых, было не очень приятно узнать обо всем случайно, из разговора каких-то подростков в поезде. Почему ты мне не рассказала?

– Я думала, рассказывать не понадобится. Надеялась, само утихнет, но у Америки явно страсть к таким беспринципным, сенсационным искажениям правды.

– Просто в голове не укладывается. Что мне делать?

– Ничего, – твердо заявила Эллен. – Питер контролирует ситуацию. Да она и сама скоро рассосется. Много ли можно «пересмотреть» в деле, где все очевидно?

* * *

Несмотря на решительное предупреждение Эллен – не слушай подкаст! – меня тянуло к ноутбуку, как тянет отковыривать корочку на заживающей ране или дергать заусеницу, пока не пойдет кровь. Я понимала, что ничем хорошим прослушивание не кончится, но хотела – нет, *жаждала* – выяснить, о чем говорит эта дамочка, Поппи Парнелл. Как она оправдывает «пересмотр» убийства моего отца? Откуда у нее материала на целый сериал? Я могла бы выразить суть дела всего одним предложением: Уоррен Кейв убил Чака Бурмана. Точка.

Я подлила себе вина и снова заскучала по Калебу. Мне

безумно не хватало его больших теплых рук, его ласковых заверений – все уладится. Пусть бы он сейчас заварил чай и включил дурацкое телешоу про беззубых алкоголиков. Будь Калеб дома, я чувствовала бы себя спокойно и в безопасности, а не глотала бы в одиночестве вино в темной квартире, охваченная ужасом.

Однако в глубине души я испытывала облегчение. Даже мысль о том, чтобы рассказать Калебу о подкасте – а значит, и признаться в собственной лжи, – нагоняла на меня жуткий страх. Я отчаянно надеялась, что Эллен права, и подкаст сойдет на нет сам по себе еще до возвращения Калеба из Африки.

Подкаст я не слушала, зато всю ночь, как одержимая, искала в «Гугле» Поппи Парнелл. Ей было чуть за тридцать – можно сказать, моя ровесница, всего на два-три года старше. Уроженка Среднего Запада, как и я. Закончила Северо-Западный университет, получила диплом журналиста. Одно время вела популярный криминальный сайт; была автором множества статей для литературного журнала «Атлантик» и еженедельника «Нью-Йоркер». Исчерпав эту тему, я перешла к изображениям. Поппи Парнелл оказалась худой рыжеватой блондинкой с угловатыми чертами лица и широко распахнутыми, изумленными глазами – ее внешность не соответствовала общепринятым канонам телевизионной красоты, но была слишком хороша для радио. На большинстве фотографий Поппи носила большие, не по размеру, пиджа-

ки и стояла, чуть подавшись вперед, приоткрыв рот и вскинув руку. В далеком прошлом мы с Поппи наверняка бы подружились.

Я сердито посмотрела на ее улыбающееся лицо и вылила остатки вина в стакан. Протянула руку к крышке ноутбука – захлопнуть, но что-то меня удержало. Подкаст по-прежнему был открыт в другой вкладке.

«Папочка…»

Проклиная себя и Поппи Парнелл, я включила видео.

Отрывок из расшифровки: «Пересмотр дела: убийство Чака Бурмана», серия 1: «Введение в убийство Чака Бурмана», 7 сентября 2015 года

Я не знала, чего ждать от встречи с Уорреном Кейвом. До нашего с ним официального знакомства я несколько раз подолгу общалась с матерью Кейва, Мелани – классической красавицей с завидным вкусом и безупречной осанкой. Сын – любимая тема Мелани, она очень хорошо о нем отзывается, превозносит его доброту и великодушие, отличные компьютерные навыки, а главное, его веру.

В дополнение к – и в противовес – восторженным похвалам Мелани в адрес сына я собрала собственный материал по теме «Уоррен Кейв». Проштудировала полицейские записи, судебные протоколы и статьи,

которые давали о нем представление.

Как и большинство людей, познакомившихся с делом хотя бы шапочно, я запомнила Уоррена Кейва щуплым сутулым пареньком с угрями и волосами-сосульками, выкрашенными в черный цвет. На фотографиях он всегда был запечатлен в черной одежде и никогда не смотрел в объектив. При встрече с таким юношей на улице мы, как правило, спешим перейти на другую сторону.

Этот образ никак не вяжется с молодым человеком из восторженных рассказов Мелани Кейв. Неужели слепая материнская любовь не позволяет Мелани разглядеть настоящее лицо своего сына? Или его вызывающий образ в юности был лишь позой? Либо истина, как это часто бывает, где-то посередине?

Когда я впервые увидела Уоррена Кейва в «Стейтвилле» – тюрьме особого режима под городом Джолиет в штате Иллинойс, где Уоррен живет последние тринадцать лет, – я его не узнала. Он занялся силовыми тренировками и сменил щуплое тело на мощные мускулы. Объяснил, что силовые тренировки – больше необходимость, нежели удовольствие. В тюрьме, по словам Уоррена, непозволительно быть слабым. Этот урок он усвоил на горьком опыте: левую щеку Уоррена пересекает шрам, суровое напоминание о нападении сокамерника через год после вынесения приговора.

Натуральный пепельный блондин Уоррен, который теперь стрижется коротко, по-прежнему не смотрит в глаза. Выражение лица у него настороженное, однако

при упоминании Мелани он тепло улыбается. Она навещает сына каждое воскресенье, проводя два часа за рулем, и, по словам Уоррена, является его лучшим и единственным другом. Кроме матери и преподобного Терри Гловера, пастора Первой пресвитерианской церкви из Элм-Парка, других посетителей у Уоррена не бывает. Отец, Эндрю Кейв, ушел из семьи вскоре после ареста сына и умер восемь лет назад от рака предстательной железы. Друзья юности не поддерживают с Уорреном отношения.

Я не теряю времени и перехожу к важным вопросам.

ПОППИ: Если вы не убивали Чака Бурмана, зачем его дочь сказала, что видела это?

УОРРЕН: Я тринадцать лет задаю себе этот вопрос каждый день. Знаете, к чему я пришел? Ни к чему. Деяния Господа непостижимы.

ПОППИ: Хотите сказать, она все придумала?

УОРРЕН: Ну, я-то Чака Бурмана не убивал, значит, похоже на то. Только мне в общем-то понятно, что сбило ее с толку. Я тогда был совсем пропащий. Принимал много наркотиков, слушал сатанинскую музыку. Зверь крепко держал меня в своих когтях. Может, девочка это как-то почувствовала? Вот и перепутала все. Она ведь была еще ребенком.

ПОППИ: Вы и сами были тогда ребенком.

УОРРЕН: Ну, не совсем. В таком возрасте уже пора соображать, что делаешь.

ПОППИ: Вы часто общались с ней или с ее родными до убийства Чака?

УОРРЕН: Нет. Мы переехали в Элм-Парк в двухтысячном, так что до смерти мистера Бурмана прожили там всего два года. Я не был компанейским парнем, не любил ходить по соседским вечеринкам. Держался в основном сам по себе. С миссис Бурман вообще, по-моему, ни разу не разговаривал. Иногда видел ее в саду, а больше она никуда из дома не выходила. Странная была, короче. Она в секту вступила, да? Зато с мистером Бурманом мы однажды пообщались. У нас как-то газонокосилка сломалась. Отец ездил по работе; я, козел, матери тогда не помогал – вот мистер Бурман и пришел ее спасать. Мы с ним обсудили группу «The Doors». Он показался мне классным.

ПОППИ: Вы знали о романе между вашей матерью и Чаком Бурманом?

То ли от неожиданного вопроса, то ли из-за своих религиозных убеждений, порицающих измену, Уоррен заметно напрягся.

УОРРЕН: Моя мать не прелюбодейка.

ПОППИ: То есть вы ничего такого не замечали и никогда не задавались вопросом – а не спит ли ваша мать с мистером Бурманом?

УОРРЕН: Вы пришли оскорблять мою мать?

ПОППИ: Я не хотела вас обидеть. Я лишь ищу правду. Насколько понимаю, в то время ваш отец часто уезжал по работе и в браке были проблемы?

УОРРЕН: Давайте сменим тему.

Остаток встречи Уоррен был скован и неразговорчив. Столь сильная реакция вызвала у меня нехорошее чувство. *Знал ли* Уоррен о том, что у матери и Чака Бурмана не просто соседские отношения? Сомнений в романе Чака и Мелани нет – она сама призналась со свидетельской трибуны, после чего лишилась мужа, – однако не ясно, кому еще было известно об измене до убийства.

Это важный вопрос. Ведь мотивом Уоррена называли именно материнскую измену. По утверждению прокурора, Уоррена страшно возмутило то, что мать крутит роман с соседом и разрушает остатки и без того несчастливой родительской семьи; поэтому, будучи трудным подростком, Уоррен убил предмет материнской страсти. Однако при непредвзятом чтении свидетельских показаний видно,

что обвинение не сумело доказать осведомленность Уоррена о романе, не смогло найти других осведомленных и предоставить их в качестве свидетелей.

В конечном итоге неспособность обвинения доказать мотив не сыграла роли, поскольку нашелся якобы очевидец убийства. Однако этот вопрос не перестает меня мучить – и тому есть причины. Знал ли Уоррен о романе? И если об измене Мелани было известно ее семье, то как обстояло дело в семье Чака? Что именно знали его жена и дети?

Отрывок из расшифровки: «Пересмотр дела: убийство Чака Бурмана», серия 2: «Доказательства обвинения – или отсутствие таковых», 14 сентября 2015 года

Самое удручающее в истории Уоррена Кейва – то, что его признали виновным на основании столь слабых доказательств. Он проведет остаток жизни за решеткой; и причиной тому лишь несколько отпечатков пальцев да изрядная доля злобной клеветы.

Обвинение целиком держалось на свидетельстве очевидицы, Лани Бурман. Без него остальные «доказательства» – я употребляю это слово в кавычках – справедливо можно назвать косвенными; их вряд ли хватило бы, чтобы убедить присяжных.

Я, конечно, понимаю: Лани была привлекательной

и красноречивой девочкой, безутешной после смерти отца. По описаниям, в суде Лани выглядела совершенно сломленной и убитой горем. Она тронула сердца присяжных, и им захотелось ей поверить.

Однако свидетельские показания, вызывающие у жюри эмоциональный отклик, весьма ненадежны. На их достоверность влияет множество факторов. Вспомните, к примеру, следующее: рассказанная со свидетельской трибуны история Лани – как она пошла вниз попить и случайно увидела убийство отца – раньше звучала по-другому. Изначально обе близняшки Бурман заявляли, что они спали и разбудили их лишь звуки стрельбы.

Бывший детектив Дерек Макганнигал одним из первых прибыл на место происшествия. Он рассказал мне о своем общении с Лани Бурман.

МАКГАННИГАЛ: Первейшей задачей было поговорить с девочками. Это оказалось непросто, уж поверьте. Они страшно напугались. Мы чуть с ума не сошли, пока уговорили их нас впустить. Понадобилось добрых пятнадцать минут, чтобы девочки открыли дверь своей комнаты, а они тут же схватились за руки и отказались разлучаться. Свидетелей положено допрашивать по отдельности, но я видел – девочки ни за что не станут говорить друг без друга. Из них и так-то почти нельзя было слова вытащить. Они твердили, что спали и ничего не видели, не слышали до самой стрельбы.

Только я закончил их допрашивать, как ребята

привезли Эрин Бурман – она ночевала у подруги, которой сделали стоматологическую операцию. Я решил, что бедной женщине ни к чему наблюдать за нашими действиями на месте убийства, и отвел ее наверх, в хозяйскую спальню. Девочки услышали вернувшуюся мать и подняли такой шум, что я, скрепя сердце, пустил их к ней. Нарушил инструкцию, конечно, но не пустить не смог.

Оставлять близняшек в комнате с матерью не следовало, однако от Эрин было маловато толку, она лишь рыдала, поэтому вряд ли их присутствие нам бы помешало. Я попросил ее вспомнить как можно больше – не бродил ли по соседству кто-нибудь подозрительный, не пропало ли что-нибудь, в таком вот роде, – но Эрин только сильнее взвинчивалась. Я уже думал, она сейчас на меня сорвется, как вдруг Лани сказала: «Я все видела».

Мы так и застыли. Поскольку я услышал об этом впервые, тут же насторожился. Вы не представляете, сколько народу хочет приобщиться к полицейскому расследованию чисто из любви к драматизму. К девочкам-подросткам это относится вдвойне – я не сексист, не подумайте, просто делюсь наблюдением. Непредвзятым, так сказать. Я не хотел отпугнуть Лани, но должен был убедиться, что она меня не дурачит, поэтому я попросил ее описать увиденное. Вот тогда-то Лани и назвала Уоррена Кейва убийцей.

ПОППИ: Я читала, что первые слова свидетеля обычно самые правдивые. Почему же вы поверили

второму заявлению Лани?

МАКГАННИГАЛ: Хочу прояснить – решение принимал не я. Мой шеф рассудил так: до возвращения матери девочки были слишком напуганы и потому не откровенничали. Они, видите ли, обучались на дому и почти не имели дела с представителями власти. По мнению шефа, появление матери немного успокоило девочек, и они заговорили.

ПОППИ: А вы с этим не согласны?

МАКГАННИГАЛ: Я такого не утверждаю. Я лишь констатирую: Лани Бурман не стало спокойней при матери. Если уж на то пошло, девочка будто еще сильнее разволновалась. Но знаете, не случайно ведь мой шеф до сих пор руководит управлением, а я теперь работаю в отделе по предотвращению убытков.

ПОППИ: Вас уволили за несогласие с шефом по поводу Лани Бурман?

МАКГАННИГАЛ: Мы не меня обсуждаем. Я просто высказываю свое мнение: присутствие матери ничуть не успокоило Лани. Только кто его знает почему – мать-то была с причудами. Даже до вступления в секту. Короче говоря, сцену убийства Лани Бурман описала в точности, вплоть до места, где должен был стоять стрелок. Она никак не сумела бы этого сделать, если

бы находилась все время наверху. Значит, ее первое заявление было ложным.

Так вот, я отправил двоих полицейских в соседний дом, к Кейву. Мелани Кейв стояла на крыльце – наблюдала за расследованием – и не хотела пускать полицейских в дом: мол, Уоррен спит и ни о чем не знает. Известие о том, что они пришли арестовать сына, ее сокрушило.

ПОППИ: Вы считаете, Мелани Кейв умышленно лгала о местонахождении Уоррена?

МАКГАННИГАЛ: Нет, по-моему, она действительно думала, что сын наверху. Зато умышленно не раскрывала местонахождение мужа. Твердила: «уехал», и все, без конкретики. Мы тогда решили – дело тут нечисто, но позже выяснили, что они просто поссорились.

К тому же если бы Мелани знала о том, что Уоррена нет наверху, то вряд ли впустила бы полицейских без ордера. А она в конце концов впустила и проводила их в комнату сына. Как известно, его там не оказалось. Полицейские перешли в режим боевой готовности – Уоррен мог быть вооружен и опасен – и быстро обыскали дом. Мы уже начали прочесывать окрестности, когда к дому на велосипеде подъехал Уоррен, мокрый насквозь. Повел себя вызывающе: отказался сообщить полицейским, где был, обозвал их свиньями и даже хуже. Парня арестовали по

подозрению в убийстве Чака Бурмана и обвинили в сопротивлении при аресте.

Уоррен с готовностью признает, что в ту ночь вел себя плохо, и понимает, что перепалка с полицией ему лишь навредила. Я спросила у него, о чем он тогда думал.

ПОППИ: Многие сочли ваше поведение в ночь смерти Чака Бурмана подозрительным. Можете рассказать, чем оно было вызвано?

УОРРЕН: Я понимаю, почему люди так считают. И ни капли не горжусь своим поведением. Но не забывайте, я ведь был семнадцатилетним анархистом и ненавидел полицию из принципа. А еще я в ту ночь туссином закидывался, на кладбище.

ПОППИ: Закидывался туссином?

УОРРЕН: Да. Это когда пьешь бутылками сироп от кашля, чтобы кайфануть. Не слышали?

ПОППИ: И действительно кайфуешь?

УОРРЕН: Угу. Только это тупо. Не делайте так.

ПОППИ: Не буду. То есть в ночь убийства Чака Бурмана у вас не было алиби, потому что вы пили сироп от кашля – в одиночестве, на кладбище?

УОРРЕН: Да.

ПОППИ: Почему на кладбище?

УОРРЕН: Понятия не имею. Теперь-то я осознаю, что это ужасно непочтительно, а тогда мне нравилось. Передозировка сиропа от кашля вызывает галлюцинации. А галлюцинации на кладбище – самые кайфовые. По крайней мере, так я тогда думал.

Я столько раз жалел, что не занимался в ту ночь чем-нибудь другим, – вы не представляете! Нужно было вообще дома сидеть. Или, если уж приспичило дурью маяться, то делать это у кого-нибудь на глазах… Но о таком ведь не думаешь – ну, что алиби понадобится, – пока тебя не арестуют.

ПОППИ: Однако вам самому в ту ночь кое-кто на глаза попался, верно?

УОРРЕН: Ну да. Не на кладбище. Там я был один. Домой ехал через парк Линкольна, и возле поляны со столиками для пикника в меня швырнули пивную банку. Я не понял, галлюцинация это или нет, поэтому остановился. До меня постепенно дошло, что за столиком сидят какие-то ребята – и однозначно швыряются в меня пивными банками. Когда оттуда прилетела стеклянная бутылка, я психанул и кинулся на них. Дальше помню плохо. Меня притащили к

озеру – оно рядом со столиками, вы же в курсе – и сунули под воду. Держали долго, я уже начал прощаться с жизнью. Потом, наверное, отключился на минуту-другую. Пришел в себя на берегу: я лежал на боку возле воды, а рядом никого не было.

ПОППИ: Вы не знаете этих ребят?

УОРРЕН: Нет. Я сделал все возможное, чтобы их найти. Они вроде были моего возраста, и адвокат собрала выпускные альбомы со всего Элм-Парка и из соседних городов. Только тогда стояла темень, а я был под кайфом, так что никого толком не помнил. Я будто бы узнал на снимках пару человек, но это ничего не дало.

Я впервые услышала о том, что Уоррен опознал возможных свидетелей своего алиби, и спросила об этом адвоката Уоррена, Клэр Армстронг.

АРМСТРОНГ: Опознание тех, кто бросил Уоррена в озеро, стало бы огромным подспорьем. Мы подтвердили бы, что Уоррена отделяло от места преступления не меньше мили. К сожалению, он не мог точно вспомнить, кого видел. По его словам, несколько лиц выглядели знакомыми, но эти люди отрицали свое участие в инциденте. Мало того, они были «на хорошем счету»: члены школьного самоуправления, спортсмены, круглые отличники. Это еще больше все осложняло. Жюри не поверило бы Уоррену на слово, а

на сотрудничество ребята не шли. К тому же Уоррен и сам сомневался, что это они. Я разместила в местной газете объявление с просьбой отозваться любого, кто что-нибудь знает… Увы, следов так и не нашла.

Я бы решила, что вид промокшего Уоррена подтверждает его историю – и его невиновность; однако произошло обратное. Полиция выдвинула следующую гипотезу: Уоррен окунулся в озеро специально, чтобы уничтожить улики – например, следы пороха или другие частицы из дома Бурманов. Предположим, это правда, но как же кровь? Вряд ли от нее так просто избавиться. Разве купание в озере может полностью смыть кровь? Я попросила ответа у бывшего детектива Макганнигала.

ПОППИ: Разве мог Уоррен Кейв выстрелить в Чака Бурмана в упор и не забрызгаться кровью? Озерная вода не смыла бы такое с одежды. Однако на ней не нашли ни единого пятнышка. Как вы это объясните?

МАКГАННИГАЛ: Мы предполагаем следующее: поверх одежды на Уоррене Кейве было что-то еще. Плащ, пальто или даже кусок целлофана. И этот верхний слой очутился на дне озера – вместе с оружием.

Да-да, в деле Бурмана нет не только дымящегося пистолета, но и пистолета вообще. Орудие убийства не нашли ни на месте преступления, ни где-нибудь еще, даже спустя тринадцать лет. Комнату Уоррена

обыскали в ночь убийства, а остальной дом Кейвов – на следующий день. Прочесали также парк, кладбище и озеро – безуспешно.

ПОППИ: Дно озера обследовали и оружия не нашли; почему же вы думаете, что оно там?

МАКГАННИГАЛ: Отыскать что-то в озере весьма сложно, особенно если предмет маленький – пистолет, к примеру. Я не удивлен, что мы его не обнаружили.

ПОППИ: И вас не смущало отсутствие орудия убийства?

МАКГАННИГАЛ: У нас не было необходимости создавать доказательную базу. Мы нашли на месте преступления отпечатки Кейва, а дочь Бурманов видела само преступление.

Ах да, отпечатки пальцев. Свидетельство Лани отправило Уоррена за решетку, а найденные в доме Бурманов отпечатки – и ложь Уоррена – эту решетку заперли. Поначалу он утверждал, что никогда не бывал у Бурманов. Позднее, когда уже наняли адвоката и поставили Уоррена перед неоспоримым фактом – наличием отпечатков, – Уоррен изменил показания.

УОРРЕН: Я к ним забрался. В среду днем, за несколько дней до смерти мистера Бурмана. Прогулял школу, засел у себя в комнате. Вдруг увидел, как миссис

Бурман уходит, вместе с близняшками. Она никогда никуда не ходила: ну, с головой не дружила. Я слышал, как мама обсуждала по телефону чокнутую соседку, и думал, что у чокнутой наверняка есть классные таблетки. В общем, она вдруг ушла из дома, и я двинул туда. Взял ключ из тайника – под фальшивым камнем, как у всех, – и открыл дверь. Нашел у миссис Бурман ксанакс, забрал и еще немного налички прихватил.

Признание в ограблении жертвы – не лучшая линия защиты, зато, как по мне, честная. Обвинение так и не сумело объяснить, почему отпечатки Уоррена имелись не только в кухне, а *на обоих этажах* дома, включая ванну наверху и хозяйскую спальню. Если отпечатки появились во время убийства, то что Уоррен делал наверху? Как он вообще туда попал? Я была в бывшем доме Бурманов: поверьте, в нем не так уж много коридоров и укромных уголков. Мало того, в нем всего одна лестница. Теоретически Уоррен мог пробраться наверх и вернуться вниз незамеченным, не привлекая внимания Чака Бурмана, но это маловероятно. Похоже, беда Уоррена в том, что он оказался слишком хорошим вором: никто не заметил следов проникновения в дом, и никто не поверил ему впоследствии.

Раз мы обсуждаем, где именно отпечатки Уоррена *были*, я считаю уместным упомянуть и то, где их *не было*: на пуле, застрявшей в стене.

Прокуратуру это не смутило. Уоррен надел перчатки, заявил обвинитель – по-моему, сомнительное

предположение, раз отпечатки Уоррена нашлись чуть ли не по всему дому, – или оружие зарядил кто-то другой. «Минуточку, Поппи! – скажете вы. – Кто-то другой? У Уоррена Кейва имелся сообщник?» Про сообщника – это, конечно, гипотеза, однако вывод обвинения еще поразительнее: Чак Бурман зарядил пистолет собственными руками.

Дело вот в чем: Чак владел пистолетом тридцать восьмого калибра, и пистолет этот не найден по сей день. Эрин рассказала полицейским, что муж приобрел оружие для ее родителей – после того, как их ферму ограбили, – и что пистолет зарегистрировали на имя Чака случайно, из-за бюрократической ошибки. По словам Эрин, она ничего не знала о судьбе пистолета после смерти родителей в двухтысячном и у себя в доме его не видела.

Какое значение имеет это отклонение от повествования – про пистолет, который то ли принадлежал Чаку, то ли нет? Да и имеет ли вообще? Тот, кто убежден в виновности Уоррена, получает удобный ответ на вопрос: где несовершеннолетний раздобыл пистолет? Украл у предполагаемой жертвы, разумеется. Мол, оружие вернули Чаку после смерти родителей Эрин – или, может, оно и вовсе никогда не переходило из рук в руки, – чем Уоррен и воспользовался. Однако правдоподобна ли такая версия? Весьма правдоподобна, по мнению присяжных.

В результате вещественные доказательства были сомнительными и косвенными, а обвинения против

Уоррена Кейва базировались на свидетельстве дочери жертвы – пятнадцатилетней девочки, которая за первые полчаса общения с полицейскими дважды меняла свои показания. Переживала ли она психологическую травму, как настаивал на суде прокурор? Или расчетливо лгала?

Для Мелани и Уоррена Кейвов это не важно.

МЕЛАНИ: Мы лишь хотим добиться правды. Лани, если ты это слушаешь, то знай – мы тебя прощаем. Даю слово, что ни я сама, ни мой сын не станем выдвигать против тебя никаких обвинений или гражданских исков. Мы хотим одного – чтобы ты сказала правду. Хотим освободить Уоррена.

Глава 2

Я закончила слушать вторую серию в пять утра. Уснуть уже не смогла при всем желании. В голове гудело, сквозь гул настойчивой барабанной дробью пробивались растерянные мысли. «Если отпечатки появились во время убийства, то что Уоррен делал наверху?»

Был ли Уоррен наверху в ту ночь? Стоял ли за дверью с оружием – в нескольких шагах от меня, спящей? Я вздрогнула. В таком случае ему пришлось бы двигаться на редкость бесшумно, иначе его услышали бы: не только отец, но и сестра, она ведь бодрствовала.

Если же отпечатки на втором этаже появились не в ту ночь, значит, это произошло в другой раз. Уоррен говорил правду – мама крайне редко куда-то уходила. Поэтому я легко вспомнила описываемый им день: мы отправились в торговый центр выбирать подарок ко дню рождения тети А. Припоминаю, как вечером мама рылась в ящичках и бормотала себе под нос. Я спросила, что она делает, и получила невразумительный ответ – то ли она сходит с ума и сует вещи неизвестно куда, то ли наоборот… Мама часто бывала рассеянной и не знала, где что лежит; я не придала этому случаю никакого значения. Только вдруг она искала лекарство или деньги, украденные Уорреном? И если он оставил отпечатки на втором этаже за несколько дней до убийства, то разве не

логично, что и отпечатки внизу оставил тогда же?

«Прекрати», – велела я себе. Не важно, когда именно появились отпечатки. Уоррен мог оставить свежие в ночь, когда убил отца, или мог надеть перчатки. Этот вопрос лишь отвлекает от главного доказательства: Лани *видела*, как Уоррен нажал на курок.

* * *

Стоило узнать о «Пересмотре», как он начал мерещиться мне повсюду. Любой человек в наушниках становился потенциальным слушателем; любое слово, хотя бы отдаленно похожее на «Бурман», повергало в ступор. В очереди в супермаркете я вдруг уловила сзади: «Пересмотр» – и напряглась. Бросила пугливый взгляд через плечо. Какая-то девушка неистово затрясла головой и заявила парню: «Пересмотреть решение? Не заикайся даже! Твой сосед по комнате – варвар, не буду я знакомить его с Денизой!»

В глубине души я понимала, что моя паранойя безосновательна. И все же не могла отделаться от ощущения, будто на меня все смотрят. Я перестала выходить из квартиры – только на работу. Завела привычку заказывать еду на дом. Когда закончилась туалетная бумага, я заказала и ее, ведь в современную эпоху домой доставляют что угодно. Я перестала спать: ночи напролет читала все подряд о Поппи Парнелл и ее подкасте.

Временами я гадала – что произойдет, когда Калеб прилетит из Африки и узнает о подкасте? Временами пугалась – Калеб уже узнал, соединил кусочки информации и понял, что я лгала о прошлом; он ко мне не вернется. После того, как я услышала о подкасте впервые, мы с Калебом разговаривали лишь раз. Все пять минут беседы в трубке звучало эхо наших собственных слов, а фразы долетали с таким запозданием, что это было почти смешно. Не лучший момент для рассказа об увлекательном новом подкасте, в котором пересматривают убийство твоего отца.

Думать о Калебе оказалось еще больнее, чем о папе, и я постаралась выкинуть из головы тревожные мысли. Пересеку этот мост тогда, когда к нему подойду. Пока же главное – подкаст.

* * *

За последние двое суток я спала лишь несколько часов, да и то с перерывами. Граница между сонным и бодрым состоянием постепенно размывалась, и к пятнице я впала в летаргический полутранс. Расставляя на работе новую партию книг, я добрых пять минут разглядывала «Сто лет одиночества» – вялый мозг не соображал, на какую букву начинается Габриэль Гарсиа Маркес.

Клара немного понаблюдала за моими жалкими потугами, затем мягко отобрала у меня книгу.

– Ты как, Джо? Не обижайся, но вид у тебя не очень.

– Толком не спала, – призналась я, моргая.

– Если хочешь, сбегай в «Старбакс». Я тебя прикрою, без проблем. От кофе взбодришься.

– Спасибо. – Слова с трудом проходили сквозь стиснутое горло. – Не надо, переживу.

* * *

Действительно ли я переживу, оставалось большим вопросом. Подкаст распространялся с пугающим упорством, проникал даже в коридоры книжного магазина – место, сугубо предназначенное для споров о том, можно ли приравнивать коммерческий успех к литературному достижению и кем был Хемингуэй, мизогинистом или мизантропом. Если даже литературные снобы ломали копья по поводу услышанного в Интернете, а не испытывали друг друга заумными литературными аллюзиями, то я пропала.[1]

По дороге домой я дрожала от недосыпания и все нарастающей паники. Шла, опустив голову, – была уверена, что каждый встречный слышал глупую болтовню Поппи и знал о моем горьком прошлом все. Я давно официально сменила имя и оставила Джозефину Бурман позади, но эта простая формальность не спасла бы меня от фанатов подкаста,

---

[1] Мизогинист – женоненавистник; мизантроп – человеконенавистник. – *Здесь и далее примечания переводчика*.

решивших поискать изображения в Интернете. Фотография отца на сайте «Пересмотра» возбудила любопытство слушателей – значит, скоро они найдут и снимки остальных Бурманов. Или уже нашли? Я-то, наивная, убеждала себя, что подкаст – не более чем современное радио; слова, плывущие в эфире. На самом же деле они существовали в Интернете, по соседству с картинками «Гугл», и лишь ждали появления толпы увлеченных онлайн-ищеек.

Я зашла в винный магазин, но оставила выбранную бутылку – в очередь за мной встала девушка и принялась быстро набирать сообщение на телефоне. Меня охватило подозрение, что она меня узнала, и я опрометью выскочила из магазина. На улице заметила разноцветную витрину парикмахерской – и нырнула внутрь.

– Хочу постричься! – слишком громко оповестила я.

Во взгляде девушки-администратора мелькнуло беспокойство. Мне следовало бы приглушить голос, убрать из него истерические нотки, но это было выше моих сил, и я пошла ва-банк – наклонилась ближе и добавила:

– Побыстрее!

– Хорошо, – осторожно проговорила администратор, словно я помахала у нее перед лицом пистолетом. – Узнаю, есть ли свободные мастера.

Она опасливо выбралась из-за стола и пошла в конец салона, по пути дважды недоверчиво оглянулась. Шепотом посовещалась с тремя парикмахерами в черном. Одна из них,

тщедушная платиновая блондинка, пожала плечами и шагнула вперед, звякнув тонкими браслетами на запястье.

– Я Эксл, – сообщила она. – Могу вами заняться.

– Обрежьте, – скомандовала я, усаживаясь в кресло. – Состригите все.

Меня вдруг обожгло воспоминание. Другой день, почти десять лет назад, дождливый майский день в Лондоне – и я в кресле дешевой парикмахерской. «Обрежьте, – сказала я, как мне думалось, смело. – Просто состригите». Мастер одним взглядом оценила мои красные опухшие глаза, размазанную по лицу косметику не первой свежести – и покачала головой. «Ты сейчас не в том настроении, чтобы принимать кардинальные решения насчет таких красивых волос, деточка. Давай я тебя лучше подровняю? Освежу?» Не в силах спорить, я безропотно кивнула и вышла из парикмахерской лишь чуть более ухоженной, чем вошла. Через несколько недель похожая история повторилась в Париже: пропахшая табаком женщина держала в руках мои волосы и сокрушалась, словно над разумным существом, которое я хотела бессердечно уничтожить. Мытье, ополаскивание – и то же самое в Амстердаме и Барселоне. В конце концов я уговорила кого-то в Риме сделать мне стрижку покороче, но ко времени нашей встречи с Калебом – спустя четыре года, пятнадцать стран и несчетное количество неофициальных работ официанткой – я уже перестала думать о сестре при каждом взгляде на себя в зеркало и позволила волосам отрасти. Это

было давно. Я утратила навык ведения переговоров о стрижке и приготовилась к возражениям.

Однако Эксл лишь равнодушно пожала плечами.

– Как скажете.

– И покрасьте, – велела я, расхрабрившись. – Как у вас.

Губы, в помаде цвета фуксии, насмешливо изогнулись.

– Ваше слово – закон.

Я пожалела о своем решении почти сразу. Перекись жгла и постепенно нагревалась; казалось, на голову мне постелили ковер из огненных муравьев. По щекам бежали слезы, и я мечтала попросить у Эксл пощады, но стискивала зубы и молча терпела боль. Моим предыдущим попыткам стереть Джозефину Бурман не хватало убедительности; нужно отчистить ее следы химией, чтобы ничего не осталось.

Перекись наконец смыли, локоны обкорнали, превратив в стрижку «под мальчика», и Эксл развернула меня в кресле к зеркалу.

– Ну как?

Перемена была ошеломительной. Волосы – точнее, их остатки – стали не платиновыми, как я хотела, а приобрели легкий желтоватый оттенок сливочного масла. Глаза на открытом лице выделились – огромные, темные, – а синеватые круги под ними стали заметнее. Брови, по-прежнему чернильно-черные, угрожающе нависали над глазами. Я выглядела как сумасшедшая. И чувствовала себя сумасшедшей.

– Брови, – выдавила я.

Эксл кивнула. Вскоре перекись уже выедала мои надбровные дуги, а я с ужасом ждала слепоты в результате химического ожога. Однако кратковременный ужас того стоил: когда меня вновь повернули к зеркалу, я выглядела гораздо адекватнее. Я изучила свое отражение и удовлетворенно кивнула – ни малейшего сходства с Джозефиной Бурман.

Пусть Эксл и не показала себя умелым колористом, я все равно оставила ей восемьдесят процентов чаевых и вышла на улицу. Теперь я не боялась чужих взглядов. По крайней мере, понимала, что они вызваны моей эпатажной прической, а не принадлежностью к про́клятому семейству Бурманов из Элм-Парка. Какая разница, что именно толкнуло меня на спонтанное преображение – паранойя или разумное желание замаскироваться? Главное, я наконец-то смогла несколько минут не думать о подкасте. Наконец-то вновь почувствовала себя тем человеком, которого взращивала в себе с большим трудом.

Пост из «Твиттера»,
опубликовано 18 сентября 2015

Поппи Парнелл
@poppy_parnell

#ПересмотрДела вышел на первое место в загрузках @iTunes! Спасибо за поддержку! #ЧакБурман

5 мин

Глава 3

В понедельник вечером вернулся Калеб – лохматый и тощий, как в нашу первую встречу.

– Душа моя, я дома! – оповестил он, открыв дверь.

Шутку оборвал лающий кашель. Сердце у меня сжалось. В этом хриплом голосе я услышала все: и многонедельный прием противомалярийных лекарств, и периодические пищевые отравления, и восемнадцатичасовой рабочий день. Хотелось немедленно уложить Калеба в кровать и укутать чистым одеялом, которое я специально постирала к его приезду. Вернулся! От радости из головы вылетело, что я всю ночь не спала, – меня терзали мысли о подкасте и паника, ведь Калеб скоро обо всем узнает, это лишь вопрос времени.

– Расскажи ему о подкасте сама. – Эллен уже раздражали мои постоянные звонки среди ночи. – Теперь вряд ли удастся сохранить тайну.

– Я думала, Питер засудит эту Поппи. Уберет ее болтовню из Интернета. И что же?

– Все оказалось сложнее, чем я рассчитывала. В любом случае о подкасте знает куча народу. Его недавно разыгрывали в «Субботнем вечере», ты в курсе? До Калеба обязательно дойдут слухи. Лучше сама расскажи.[2]

---

[2] Saturday Night Live («Субботним вечером в прямом эфире») – вечерняя музыкально-юмористическая программа американского телевидения. В ней коме-

– Как?!

– Джози, ты взрослая девочка. Разберешься. Может, пора во всем признаться?

Эллен была права, но необходимость признаться во лжи пугала невероятно. При знакомстве с Калебом я сообщила, что мои родители умерли. Беспечная, невзначай брошенная фраза – я использовала ее, пока колесила автостопом по Европе, Юго-Восточной Азии, опять Европе и, наконец, Африке. Зачем портить отношения на одну ночь откровениями об убитом отце, безумной матери и презренной сестре? Однако Калеб оказался парнем не на одну ночь, моя ложь зажила отдельной жизнью и начала расти, а я так и не придумала, как рассказать правду.

Калеб вернулся в разгар ожесточенных дебатов, которые я вела сама с собой – признаваться ли, и если да, то *как*, – но стоило мне услышать его шаги, как все мои аргументы, все душевные терзания растаяли. Я хотела оказаться в его объятиях. Тени прошлого могли подождать.

Я вышла в прихожую. Калеб, нагнувшись, снимал с плеча грязную походную сумку. Сердце у меня стучало как бешеное.

– Привет, милый.

Он с улыбкой поднял голову – взгляд усталый, подглазины, – и улыбка тут же пропала.

– Вот черт, Джо! Что у тебя с волосами?

дийные актеры разыгрывают юмористические репризы.

Я вздрогнула. Надо же, за размышлениями о том, как преподнести Калебу новости (фраза «Я должна тебе кое-что рассказать» звучала зловеще, будто дальше последует признание в измене, а вариант «Ты уже слышал о подкасте?» недостаточно серьезен), я начисто забыла о своем радикальном преображении.

– А! – Я неестественно засмеялась. – Увидела такую прическу и решила попробовать. Сам знаешь, я импульсивная.

Калеб растерянно моргал.

– Как-то… глаз режет.

– Так и было задумано, – не своим голосом ответила я.

Калеб слишком устал, поэтому кивнул. Заверил в том, что я все равно красивая, чмокнул в макушку и отправился спать на целых тринадцать часов.

* * *

Сестру я ненавидела не всегда. Первые пятнадцать лет жизни Лани была неотъемлемой частью меня самой; я существовала лишь как половина цельного комплекта. И искренне верила, что, если нас разлучат, я прекращу существовать.

Тогда, в далеком прошлом, сестра еще мною дорожила. Потом она променяла мои любовь и уважение на выпивку, наркотики и низкопробную вседозволенность. В те давние времена Лани была не бунтаркой, а просто лихой девчонкой – с косичками, разодранными коленками и жаждой приклю-

чений. Подбивала меня на бесчисленные вылазки по участку бабушки с дедушкой – от сеновала до пруда; тащила на задний двор, в домик для игр, и показывала дыру в стене за раковиной, где хранила свои преступные сокровища – леденец, стянутый из буфета, сломанную бижутерию, украденную у Эллен, второсортные любовные романы, позаимствованные с маминой тумбочки. (Именно последний трофей побудил маму обыскать нашу спальню и домик для игр и обнаружить тайник Лани. Книги и бижутерию вернули, леденец конфисковали.)

Да, Лани регулярно проказничала и часто пугала меня по ночам жуткими историями про людей с руками-крюками и про призраков-автостопщиков, однако именно она первой приходила мне на помощь и успокаивала в тяжелые минуты. Мы так наслаждались своим «близнецовством», что жалели маму, у которой сестра хоть и была (тетя А.), но не близнец, – и кузину Эллен, у которой вовсе не имелось братьев и сестер. Мы считали себя особенными, а нашу связь – нерушимой.

Потом папу убили, мама нас бросила, и Лани совершенно слетела с катушек. Я пыталась ее удержать, но спасаться она не желала. *Это* моя сестра-близнец дала понять очень четко.

Я не видела ее десять лет. Первое время после разрыва я только о ней и думала. Лани мерещилась мне повсюду: она разливала пиво в шумном пабе в центре Лондона, разглядывала Нику Самофракийскую в Лувре, закуривала сигарету на темной улочке в Риме. Я закрывала глаза – и Лани была тут

как тут, со впалыми щеками, одичавшая… Она вела охоту за подсознанием и материализовывалась, как только мой разум хоть на долю секунды отключался.

Однако время шло, расстояние увеличивалось, и память о сестре блекла. Иногда я просыпалась среди ночи, вся в поту и в твердой уверенности – с Лани произошла беда. Остаток ночи ждала у телефона – сейчас позвонят с ужасной новостью; затем наступало утро, и жизнь возвращалась в нормальное русло.

После странного телефонного звонка в три часа ночи и последующих новостей о подкасте размытая фигура сестры вновь замаячила на краю моего сознания. Лани умела выбирать время, точно и безжалостно, и даже возвращение любимого человека не помогало выгнать ее из головы. Я вновь ощущала рядом худое долговязое тело Калеба, пыталась уснуть, однако даже с закрытыми глазами видела лицо сестры, в самом ужасном воплощении (размазанная подводка для глаз, пустой взгляд, кровоточащий нос).

Сон не шел, как бы отчаянно я о нем ни мечтала. Я тихонько поднялась, согрела в микроволновке чай, прихватила печенье, свернулась калачиком на диване и включила «Секретные материалы» на канале «Нетфликс». Просмотр фильмов о пришельцах и рыскающих по канализации червяках ростом с человека был высшей степенью бегства от реальности и безотказно успокаивал мои нервы. Однако сегодня я замирала каждые двадцать минут, отчетливо слыша звонок

молчащего телефона. С годами моя связь с сестрой ослабла – сначала из-за наркотиков, потом из-за расстояния, – но тело настаивало, что Лани меня зовет. Я так и не решила, отвечать ли на ее зов.

Солнце уже освещало бруклинские высотки, а мне так и не позвонили с известием о том, что Лани умерла, покалечилась сама или покалечила кого-то. Значит, я ошиблась. Нет у нас никакой связи; может, и не было никогда.

– Доброе утро, любимая, – пробормотал Калеб. Он неслышно выплыл из спальни, потер сонное лицо, пригладил непослушные каштановые кудри. – Давно не спишь?

– Давно, – призналась я и вручила ему приготовленный для себя тост с маслом.

Сунула в тостер новый кусочек хлеба.

Калеб быстро проглотил угощение и ухмыльнулся.

– Как же мне не хватало твоей стряпни, дорогая.

– Прекрати! – Я шутливо ткнула его в живот. – Можно подумать, ты в Конго деликатесами питался. Знаю я вас, гуманитарных работников. Все меню – каша-размазня, пиво да печенье в глазури.

Калеб перехватил мою руку, притянул к себе. Я облизнула губы и сунула пальцы за резинку его пижамных штанов. Раньше они сидели на нем плотнее. Едва подушечки пальцев ощутили жар кожи Калеба, внутри меня что-то разжалось. Все будет хорошо. Подкаст утратил значение; прошлое и ложь, которую я нагородила, больше не важны. Значение

имели лишь наши сердца, наши тела.

Калеб опустил голову, коснулся губами моих губ. Ну и пусть он уже больше суток не чистил зубы, ерунда. Калеб дома, и в мире опять спокойно и тепло.

В спальне затрещал мой мобильный, резкий звук пробил окруживший нас уютный кокон. Внутри все оборвалось. «Лани».

– Ну его, – шепнул Калеб и снова привлек меня к себе.

Однако нарастающий ужас гнал к телефону, сердце готово было выпрыгнуть наружу, и, торопливо хватая трубку, я едва не поперхнулась.

– Джози, милая, держись. – От непривычно мягкого голоса Эллен мое тело словно пронзило множество игл.

– Что? – спросила я.

Не слово – слабый выдох.

– Тяжело такое сообщать. Она умерла. Прими мои соболезнования.

Я поднесла руку к груди, пальцы впились в кожу. Там, внутри, по-прежнему бился пульс сестры, я не ощущала ее мертвой.

– Ты уверена?

– Да, моя золотая, уверена. Я не видела… ее лично, если ты об этом. Но маме сегодня утром позвонил кто-то из «Общины жизненной силы».

Я молчала, слова Эллен медленно доходили до сознания. Звонок из «Жизненной силы». Лани не умерла.

Умерла мать.

– А. Понятно.

Собственный ровный голос вызвал удивление. Я представляла этот момент бессчетное число раз – и всегда ждала от себя слез, криков, безутешных сожалений об утраченных возможностях. Ждала опустошенности, отчаяния… а теперь не ощущала ничего.

Эллен отрывисто вздохнула.

– Да.

Я кивнула – она не могла этого видеть. Закрыла дверь спальни и спросила:

– Как это произошло?

– Она… Ох, милая, она повесилась.

Я вздрогнула, представила болтающееся в воздухе худое мамино тело, вывернутую под неестественным углом шею. К горлу подступил ком, я сглотнула его со странным удовлетворением. Может, не такая уж я и ледышка.

– Куда послать цветы? В похоронное бюро или к твоей маме?

– Выбрось цветы и доставь к маме себя!

– Эллен, я не приеду домой.

– Джози, ты должна. Ты ее дочь.

– Дочь, которую она бросила больше десяти лет назад! Ничего я не должна.

– Все равно она твоя мать.

– Она умерла. И не важно, приеду я или нет. Она будет

мертва в любом случае – где бы я ни находилась.

– Притворюсь, что я этого не слышала. Ты прекрасно знаешь: похороны устраивают не ради умерших, их устраивают ради тех, кто остается жить. Ты нужна нам здесь. Нужна моей маме. Ей и так нелегко из-за подкаста – хотя ты *ни разу* не позвонила и не спросила, как она это переживает, – а станет еще хуже. Эта дрянь Парнелл будет ломиться в мамин дом, так что приезжай и помоги прогнать ее!

– Эллен, ты же знаешь, я сказала Калебу, что мои родители умерли. – Я понизила голос и покосилась на дверь спальни.

– Ты и правда думаешь, что тебе удастся сохранить этот секрет? Даже теперь? *Особенно* теперь? – Эллен помолчала в ожидании ответа и хмыкнула. – Замечательно. Скажи Калебу, что умерла *моя* мать. Проблема решена. Приезжай домой.

– Не могу. Прости.

– Черт возьми, Джози…

– Прости, – повторила я и отключилась.

Кузина привыкла оставлять последнее слово за собой, и я приготовилась отклонить звонок, который не заставил себя ждать. Телефон вновь ожил, я опять нажала красную кнопку. После третьей попытки отключила мобильный. Пусть Эллен трезвонит сколько угодно – в Элм-Парк я не вернусь.

В спальню заглянул Калеб, дожевывая мой наполовину съеденный тост:

– Джо? Ты как тут?

Я собралась было ответить «нормально», но вместо этого сдавленно всхлипнула. Калеб меня обнял, ласково погладил по спине, спросил, что произошло.

– Тетя А. умерла. Нужно ехать домой.

Слова вылетели сами, но, услышав их, я поняла: Эллен права, нужно ехать. В память о матери, а главное – ради тети. Она ведь заботилась обо мне, была нам с сестрой настоящей опорой, и я обязана поддержать тетю в трудную минуту.

– О, нет… – пробормотал Калеб, обнимая меня еще крепче.

Я прильнула к его худой груди и зажмурилась, подавляя рыдания. Меня затопили воспоминания – очень давние, счастливые: молодая, красивая мама заплетает мои густые черные локоны, так похожие на ее собственные; она наклоняется поцеловать меня перед сном, от нее пахнет ромашковым чаем, длинные волосы щекочут мне лицо; мама в фартуке с оборками на плечах готовит печенье и мажет нам с Лани носы ванильной эссенцией.

– Моя хорошая… Такое горе… Я знаю, тетя была тебе как мама.

При упоминании моей же собственной лжи я окаменела. Ни о чем не подозревающий Калеб продолжал нашептывать слова сожаления. Я не заслуживала утешений этого замечательного мужчины, ведь я лгала ему о своей беде – и нынешней, и прошлой (да не одной), определившей мою жизнь.

Я выдернула из-под кровати чемодан и распахнула стенной шкаф. Отвергая попытки Калеба помочь, я хватала все подряд черные вещи и беспорядочно швыряла в чемодан. Не важно, во что я буду одета. Я еду домой не на смотрины. Надеюсь, я даже не увижу никого, особенно…

Я вздрогнула. Живет ли она по-прежнему в Элм-Парке? А *он*? Эллен, та еще сплетница, наверняка знала и предусмотрительно не упоминала их имен. Я предельно ясно дала понять, что хочу вычеркнуть из своей жизни обоих.

– Да, спасибо, – долетел из коридора голос Калеба. – Я хочу заказать перелет из аэропорта Кеннеди в аэропорт О'Хара, Чикаго… Сегодня, если можно. Да, я знаю про покупку онлайн, мне нужна скидка в связи с похоронами.

Именно заботливость и привлекла меня в Калебе. Мы познакомились на Занзибаре, где Калеб работал со школьниками из социально незащищенных семей. Я слонялась по идиллическому острову и игнорировала не только чувства местных мусульман – пила слишком много, надевала на себя слишком мало, – но и тех самых детей, которым Калеб старался помочь. Наши пути пересеклись на ночном базаре, где его ученица подошла ко мне попрактиковаться в английском. Терпение и доброта Калеба пленили меня сразу; что́ нашел во мне он, я не поняла до сих пор.

Я выглянула в небольшой коридор. Калеб стоял в одних пижамных штанах, прижимал телефон к плечу щетинистым подбородком и держал в правой руке карандаш, а в левой

перевернутый на обратную сторону список покупок. Кивал и быстро записывал, хотя еще наполовину спал и не мог толком открыть глаз. Сейчас я отдала бы все на свете, лишь бы еще пожить этой уютной, счастливой жизнью, которую мы для себя создали. Еще несколько дней… Пить кофе, сидя на диване рядом с Калебом, по очереди разгадывать кроссворды в «Нью-Йорк таймс»; бегать наперегонки по Проспект-парку, уворачиваясь от детских колясок и собак; вместе готовить карри на тесной кухоньке, задевать друг друга локтями, нарезая лук или отмеряя специи… Мелочи, которые придают жизни ценность.

– Да, два билета. Первый пассажир – Джо Борден. Б-о-р-д-е-н. Второй – Калеб Перлман. П-е-р-л-м-а-н.

– Нет! – воскликнула я. – Один билет! Только я. Одна.

Калеб вежливо сообщил сотруднице авиакомпании, что он перезвонит чуть позже, и озадаченно посмотрел на меня.

– То есть? Ты не хочешь, чтобы я поехал с тобой на похороны?

Конечно, я хотела взять его с собой. Не просто хотела – я *нуждалась* в нем. В моем окружении было очень мало людей, на которых я могла положиться, и Калеб, несомненно, являлся самым надежным. Благодаря ему я оставалась спокойной и уравновешенной. Если уж кто и защитит меня от моей сумасшедшей семьи, то это Калеб.

Однако в семье-то и крылась проблема. Я до сих пор помнила душную безлунную ночь и нас с Калебом верхом на ка-

менной стене, подпирающей откос. Мы любовались Индийским океаном, курили и болтали до рассвета. Происходящее удивительно напоминало кино, и, когда Калеб спросил о моей семье, я не просто выдала отрепетированную ложь насчет умерших родителей, но и приукрасила ее историей об автокатастрофе, позаимствовав у погибших маминых родителей подробности в виде проселочной дороги и пьяного водителя. Калеб, как и положено, пожалел о своем вопросе, я мужественно кивнула и сообщила полуправду – вырастила меня тетя. Я-то думала прожить с этой ложью от силы дней семь, однако не могла выпутаться из нее уже пять лет.

– Калеб, милый, я хочу поехать вместе с тобой. Очень. – На слове «очень» мой голос задрожал. Я мечтала донести до него, как сильно он мне нужен. – Но тащить тебя в Иллинойс – преступление. Ты только вернулся. Тебе нужно отдохнуть, да и в офисе наверняка ждет море работы.

– Это все неважно. Важна лишь ты. Я хочу о тебе позаботиться.

– Я сама могу о себе позаботиться.

Калеб вздохнул, лицо смягчилось.

– Знаю, солнышко. И очень тебя за это люблю.

Истерзанной душе стало легче. Иногда я боялась, что у моего парня комплекс спасителя и что Калеб ошибочно принимает желание меня спасти за любовь. Услышать, как он ценит одно из главных моих достоинств, было приятно, и мне захотелось закрепить успех.

– Правда?

– Правда. – Калеб с улыбкой пригладил мои взъерошенные волосы. – Ты очень способная, Джо. Ты несколько лет путешествовала по миру в одиночку! Я знаю многих путешественников, но никто из них так бы не сумел. Люди обычно перегорают или не могут раздобыть денег, а ты колесила по разным странам целых пять лет. Подобная независимость меня восхищает.

– Спасибо. – Я справилась со вновь подступившими слезами. – Правда, Калеб, с этой ситуацией я разберусь сама.

Он почесал подбородок карандашным ластиком.

– Давай так: сегодня ты летишь в Иллинойс одна и определяешься на месте. Я приеду, как только понадоблюсь. Ты свистнешь – и я примчусь. Хорошо?

Я кивнула, якобы согласившись. Нет уж, я вернусь на Восточное побережье еще до того, как Калеб успеет подойти к самолету. Я поцеловала его, и меня пробрала дрожь при мысли, что наши губы, возможно, соприкасаются в последний раз. Обхватив его лицо ладонями, я заглянула в ласковые серые глаза. Поймет ли он когда-нибудь? Если я выложу все начистоту, то не разрушу ли наши отношения? Правда уже готова была вырваться наружу, но не успела я открыть рот и произнести слова, как вновь ее проглотила.

Из «Элм-Парк курьер», опубликовано 22 сентября 2015

Эрин Энн Блейк Бурман, 49 лет, скончалась 20 сентября 2015 года. Дочь Патрика и Абигейл Блейк, Эрин родилась 8 февраля 1966 года в Элм-Парке, Иллинойс. 2 августа 1986 года она вышла замуж за Чарльза «Чака» Бурмана. Кончине Эрин предшествовали смерти ее мужа, родителей и брата Денниса. После нее остались две дочери, Джозефина и Маделин, а также сестра Амелия. Прощание с усопшей пройдет в среду, 23 сентября, в 14 часов в «Похоронном бюро Вильгельма». Короткая заупокойная служба и похороны состоятся в пятницу, 25 сентября, в 11 часов на кладбище в Элм-Парке. Вместо цветов семья предлагает сделать пожертвование в Национальный центр по предотвращению самоубийств.

Глава 4

Через два часа я позвонила Эллен из аэропорта Кеннеди, от выхода С 35. На коленях у меня высилась стопка журналов со светскими обозрениями, в руках я держала стакан крепкого кофе из «Старбакса».

– Скажи, что ты приедешь домой, – услышала я вместо приветствия.

– Посадка в самолет через двадцать минут.

– Слава богу. У меня на второй линии мама, она плачет уже тридцать минут. Мне нужно подкрепление. Когда ты прилетаешь?

– В четырнадцать с чем-то. Встретишь? Или мне взять напрокат машину?

– Встречу. Удачного полета.

– Погоди, Эллен. – Я глубоко вздохнула, собираясь с силами перед следующим вопросом. – А что Лани?

– Джози, мне некогда.

– Не уходи от ответа. Лани будет на похоронах?

– Джози, у меня мама на второй линии. Я переключаюсь. До скорого.

* * *

Вылет задержали на два с лишним часа. За это время я подскакивала раз семь – мне слышалось имя отца. На самом деле его произнесли лишь раз. Взвинченная задержкой и буйной паранойей, я решила отвлечься при помощи «Фейсбука».

Помогло всего на минуту. Упоминания о подкасте таились в обычном потоке жизнерадостных сообщений (помолвки, дети, кулинарные достижения), словно змеи в траве. В глаза бросилась ссылка – «Зачем Поппи Парнелл расследует убийство Чака Бурмана: интервью с ведущей “Пересмотра”».

Вот именно. Зачем Поппи Парнелл расследует это убийство? Я знала, что пожалею, и все же перешла по ссылке.

Зачем Поппи Парнелл расследует убийство Чака Бурмана: интервью с ведущей «Пересмотра»

Автор – Эрик Эшуорт

«Пересмотр дела: убийство Чака Бурмана» слушают все, да? Если вы не слушаете, то сейчас же бросайте дела и качайте подкаст. Давайте. Я подожду.

Готовы? Хорошо.

Многосерийный подкаст, который при финансовой поддержке медиагиганта «Werner Entertainment Company» ведет журналист-блогер Поппи Парнелл, обещает пересмотреть дело об убийстве профессора Чака Бурмана, произошедшее в 2002 году на Среднем Западе, – и осветить весь процесс в еженедельных часовых выпусках. Самое неожиданное – подкаст не был записан заранее, для него даже примерного сценария не делали. Парнелл ведет расследование *прямо сейчас* и создает подкаст в режиме реального времени. Такой формат – голубая мечта всех сыщиков-любителей; он дает слушателям возможность непосредственно участвовать в расследовании. Парнелл даже призывает диванных детективов писать ей в «Твиттере» свои выводы и гипотезы.

Тема подкаста интригует еще сильнее, чем его революционный формат. Это дело не укладывается в стереотип объекта для журналистского расследования. Убийство Чака Бурмана – не «глухарь», оно раскрыто.

Именно так: полиция уверяет, что преступник пойман. Подозреваемого – Уоррена Кейва, семнадцатилетнего соседа, – арестовали через считаные часы после убийства. Показания очевидца помогли обвинению, и Кейва приговорили к пожизненному тюремному заключению.

Все просто и понятно, что здесь пересматривать? В начале подкаста Парнелл предлагает задаться вопросом, действительно ли Кейв нажал на курок.

Только зачем нам это делать?

Элементарный поиск в «Гугле» обнаруживает небольшую группку конспирологов, которые декларируют невиновность Кейва еще с начала нулевых. Однако в Интернете можно найти сторонников чего угодно; такие люди обычно создают сайты с ядовито-зелеными буквами на черном фоне и намекают на то, что одиннадцатое сентября устроили свои же. Как и почему Парнелл выбрала это дело? И как уговорила «Werner Entertainment» стать спонсором?

Хотя она погружена в расследование с головой, все же Поппи Парнелл – мозги (и красота) «Пересмотра» – любезно согласилась на интервью и предоставила мне возможность задать ей следующие вопросы.

Вопрос: Для начала, Поппи, хочу признаться – я безумно увлечен «Пересмотром». Слушаю каждую серию по три раза и даже делаю записи в блокнот. Думаю, я могу смело сказать от имени большинства: до вашего подкаста я ничего не знал о деле Бурмана. Как вы им заинтересовались?

Ответ: Представляете – из-за мамы. Она встретила Мелани Кейв в прошлом году на конференции по садоводству, и они подружились на почве любви к негибридным розам и ненависти к тле. Когда Мелани услышала о моем старом блоге и о профессии журналиста-расследователя, то попросила маму нас познакомить. Вот так все и началось.

Вопрос: Ах, да. Ваши первые шаги в качестве скромного блогера. Расскажите поподробнее. Это был блог о подлинных преступлениях, да?

Ответ: Верно. С 2008 по 2013 я вела блог под названием «Из неразгаданных архивов», где фиксировала нераскрытые убийства и похищения. Не секрет, что сайты энтузиастов-сыщиков часто скатываются до теорий заговора, и я работала не покладая рук, чтобы блог ни в коем случае не стал приютом для сторонников шапочки из фольги. Строго придерживалась фактов – и отказывалась принимать на веру их общепринятое толкование. Я очень горжусь проделанной работой, и, конечно, блог стал фундаментом для моего превращения в журналиста-расследователя.

Вопрос: Вернемся к убийству Бурмана. Вы хотите, чтобы мы поверили в невиновность Уоррена. Но ведь был очевидец!

Ответ: Позвольте прояснить: у меня нет сложившегося мнения насчет виновности или невиновности Уоррена. Думаю, в конечном итоге оно появится, но для этого предстоит многое изучить. Пока же я хочу, чтобы слушатели подвергли сомнению господствующую версию. Возможный очевидец – отличный пример. В ночь убийства Лани Бурман существенно изменила свои показания, по меньшей мере один раз. Почему мы должны ей верить?

Вопрос: Вы считаете, она лжет?

Ответ: Возможно, да. А возможно, нет. Возможно, Лани, как выразилась Мелани, «напутала».

Вопрос: Разве не все матери убийц считают своих детей невиновными? Мать Джеффри Дамера, наверное, тоже не верила в его виновность.[3]

Ответ: С делом Дамера я знакома лишь поверхностно, поэтому о нем ничего сказать не могу. Хотя в целом согласна: большинство матерей верят – или *хотят* верить – в то, что их ребенок не способен застрелить соседа. Когда Мелани ко мне обратилась, я предположила материнское заблуждение. Однако скоро у меня возникло другое ощущение: что она может быть права. В этом деле куда больше тайн, чем кажется на первый взгляд.

Вопрос: Каких тайн? Приведите пример.

Ответ: Слушайте подкаст! Я ничего не скрываю.

Вопрос: Ответ принимается. Как же эта история превратилась в подкаст?

Ответ: В прошлом я работала на «Werner Entertainment Company» консультантом криминальных программ, и у меня остались там знакомые. Во время обеда с одним из них я упомянула свое расследование. Я представляла конечный продукт в виде статьи, но мой друг пришел в восторг, и не успела я опомниться, как

---

[3] Джеффри Дамер – американский серийный убийца, орудовавший в конце XX века.

родился подкаст.

> И разве мы этому не рады? Следующая серия «Пересмотра» будет доступна для скачивания завтра. В ожидании я почитаю страничку Парнелл в «Твиттере» – вдруг найду дополнительные подсказки? Оставляйте свои конспирологические гипотезы в комментариях, где им самое место.

В статье была указана вчерашняя дата. Значит, новую серию уже выложили. Не успела я и глазом моргнуть, как мои пальцы сами нашли сайт «Пересмотра» и нажали кнопку «Загрузить». Я жалела о знакомстве с первыми двумя сериями; ненавидела посеянное ими семя сомнения. «Уоррен Кейв виновен, – строго напомнила я себе. – Не слушай подкаст».

Я вернулась к статье и стала листать комментарии. Зря. Осмелевшие от собственной анонимности комментаторы писали такие гадости о моих матери и сестре, какие мне даже в голову не приходили, – а ведь я злилась на них нещадно и по праву.

Я переключила мобильный в авиарежим и подумала: хорошо, что Калеб не посвящен в эту неразбериху. Он бы не понял моих семейных сложностей. Да и как ему понять? Разительное отличие наших семейств стало очевидно с первой же поездки к нему домой, в Новую Зеландию, на Южный остров, где мы праздновали Рождество. Родные Калеба оказались замечательными людьми, причем все: мама – педи-

атр, отец – плотник, оба преданы своей работе. У старшей сестры Калеба, Молли – холеной женщины и умнейшего адвоката, – была своя семья: добродушный приветливый муж и двое очаровательных розовощеких детей.

Перед знакомством с родными Калеба я нервничала, тем более оно пришлось на религиозный праздник. Я давно отреклась от организованной религии; убийство отца и уход матери в секту убедили меня, что никакого высшего замысла не существует, а милостивого Бога – и подавно. Перлманы же, наоборот, относились к рождению Иисуса Христа серьезно. Я с удивлением наблюдала, как Калеб, который на моей памяти ни разу не посещал церковь и часто ругал христианских священников в Африке, во время католической мессы выполнял все положенные ритуалы – встать-сесть-преклонить колени – и без запинки произносил молитвы. Я боялась, что ему будет стыдно за мое неверие, однако ни Калеба, ни его семью мой вялый атеизм, похоже, не волновал.

Лишь вечером, после того, как открыли третью бутылку вина и Молли четыре раза обыграла всех в рамми, я начала расслабляться – и тут же ощутила горькую печаль. У меня никогда не будет взрослых отношений с родителями. Отца отняли, когда я была еще подростком; мать нас бросила и четко дала понять, что лучше ее не разыскивать. Остаток праздника любые действия миссис Перлман, которые хоть чем-то напоминали мне о матери – выпечка печенья, декламирование стиха, определенный смех, – вызывали в моей ду-

ше смятение.

По пути домой, в Окленд, я едва не призналась. Я была в шаге от того, чтобы выложить Калебу все: о страшной гибели отца и мучительном угасании матери, даже о той боли, которую причинила мне Лани. Однако я вспомнила теплые объятия Калеба с родными, их неподдельную любовь друг к другу – и закрыла рот на замок. Он не поймет.

* * *

Наконец нас пустили в самолет. Мое место оказалось между мужчиной, который уже оккупировал общий подлокотник, и жизнерадостной молодой женщиной со слюнявой малышкой на руках. Я втиснулась в кресло и немедленно вступила в битву за свою долю подлокотника; мужчина с ворчанием уступил. Я застегнула ремень, а женщина протянула мне карточку с прикрепленным к ней миниатюрным мешочком из органзы, наполненным желейными драже.

«Здравствуйте! – поприветствовала карточка пухлыми розовыми буквами. – Меня зовут Рози, и я первый раз в самолете! Я жду полета с восторгом, но мне может стать страшно или некомфортно, и я могу заплакать. Я не хочу испортить вам полет! Надеюсь, вы любите такие драже!»

– Спасибо, – пробормотала я, изобразив на усталом, измученном лице некое подобие улыбки. – Желейные конфетки. Супер.

– Если вам не нравится этот вкус, у меня есть другие. – Женщина открыла сумочку и продемонстрировала целую коллекцию одинаковых карточек.

– Нравится, спасибо.

– Она летит первый раз, – продолжала соседка. – Мы направляемся в Калифорнию. Я специально взяла пересадку в Чикаго. Думаете, не стоило?

– Не знаю.

Неужели она проговорит весь полет? Я дико устала, эмоционально и физически, и мечтала об одном – провести следующие два часа с закрытыми глазами.

– Никак не могла определиться, что для Рози лучше – один долгий прямой перелет или два не очень долгих с пересадкой. Надеюсь, я решила правильно! – Женщина лучезарно улыбнулась. – Мы летим в Сан-Франциско к моей сестре. Бывали там?

Сан-Франциско.

Сон внезапно как рукой сняло, спина заболела, когда я ответила: «Да».

– И как вам? Сестра давно уговаривает нас переехать, а я все твержу – тут хорошо, но это не Нью-Йорк.

– Не Нью-Йорк, – согласилась я, вспоминая свое короткое пребывание в Сан-Франциско.

– А где?..

– У меня умерла мать, – оборвала я.

– Ох. – Женщина прижала малышку Рози к груди, словно

я была заразной. – Простите.

– Нет-нет. – Я покраснела от жуткого стыда. – Это вы простите. Я от усталости ничего не соображаю.

Она сухо кивнула и затеяла беседу с пассажиром через проход. Мое беспокойство усилилось, и я попросила у бортпроводника три миниатюрных бутылочки водки. Он сообщил, причем не очень любезно, что за раз можно купить только две. Я осушила их с неимоверной скоростью и заказала третью, не на шутку обеспокоив маму Рози.

Я закрыла глаза и стала ждать, пока спиртное подействует. «Сан-Франциско», – выстукивало сердце. Мы с Калебом провели вместе на Занзибаре три блаженные недели, а потом контракт у него закончился, и он улетел домой, в Новую Зеландию. Его отъезд вызвал у меня нечто вроде экзистенциального кризиса. С Калебом я почувствовала себя другим человеком и теперь вдруг разочаровалась в бесцельных скитаниях, составлявших мою жизнь. Когда разношерстная компания европейских хиппи, моих попутчиков, собралась в рискованную вылазку к озеру Ньяса, я не пошла.

Я не хотела путешествовать и не хотела домой. Увязнув в сомнениях, я праздно шаталась по темным переулкам. Однажды увидела на «Фейсбуке», что Лилли – приветливая девушка и моя соотечественница, знакомая по хостелу в Чиангмае, с которой мы месяц путешествовали вместе по Таиланду, – теперь живет в Сан-Франциско. Я сразу поняла, что делать. Отправила Лилли сообщение и, не дожидаясь ответа,

купила на последние деньги билет в Калифорнию.

Когда я прилетела в Сан-Франциско, меня мутило от волнения. Земли «Общины жизненной силы» находились где-то в Северной Калифорнии; я уже несколько лет не была так близко к матери. И все же не представляла, как ее найти. На улицах я оглядывалась на каждую темноволосую женщину, хотя ничто не указывало на мамино присутствие в городе. Я проводила бессонные ночи на диване Лилли, искала в Интернете сведения о матери или о поглотившем ее культе.

И вот однажды в кофейне, где мне дали временную работу, я увидела парня, моего ровесника, читавшего тонкую книжицу под названием «Темная сторона солнца: подлинная история “Общины жизненной силы”».

– Это что? – спросила я; голос прозвучал глухо.

Парень пожал плечами.

– Брошюра про какую-то секту, о которой я никогда не слышал. Лежала на стеллаже «Все по двадцать пять центов» в магазине подержанных книг в соседнем квартале. Ну, я и купил из любопытства.

– Продай за пять долларов. – Пульс у меня участился.

До конца смены книжица прожигала дыру в моем заднем кармане. Мне не терпелось прийти к Лилли и сесть за чтение. Поиски в Интернете выявили лишь страницы, посвященные вендетте, пропаганде и безумию; печатное издание обещало что-то более весомое. Я прочла книжицу от корки до корки, в один присест. Ничего нового об «Общине жизненной си-

лы» не почерпнула (основательница – бывшая звезда Ретта Куинн, поселение расположено где-то в Северной Калифорнии, члены общины исповедуют свободную любовь и кормятся с земли), однако материал был подан в такой уверенной манере, что я впервые ощутила проблеск надежды.

Я закончила читать около четырех утра и написала автору через его сайт: «Моя мама – в ОЖС. Помогите ее найти».

Через два часа пришел ответ: «Не могу ничего обещать, но попробую вас с ними свести».

На следующей неделе я позаимствовала у Лилли машину и встретилась с сестрой Амамус в закусочной «Дейри куин» на северной окраине города. Я ожидала увидеть гибкое эфирное создание наподобие мамы, однако сестра Амамус оказалась из породы покрепче, с широкими плечами и крупными руками профессионального бейсболиста. Она ждала меня на парковке, стояла босиком, вокруг шеи развевались разноцветные шарфы; длинные серьги в ушах позвякивали, словно китайские колокольчики.[4]

– Может, лучше обуться? – спросила я.

Сестра Амамус отмахнулась от меня и прошлепала в помещение; многослойные шарфы заструились следом. Она заказала большую порцию фирменного мороженого со вкусом «Сникерса» и выжидательно смотрела на меня. Я вручила продавцу свою карту.

---

[4] Имя сестры Амамус происходит от латинского слова amo («любить») и означает «Мы любим».

Я молчала, сестра Амамус вычерпывала ложкой мороженое из стаканчика. Нетерпение взяло надо мной верх, и я, подавшись вперед и путаясь в словах, выдохнула:

– Вы знаете мою маму?

Сестра Амамус отправила в рот очередную ложку и прямо взглянула на меня.

– Сестра Анахата желает тебе всего наилучшего, однако видеть тебя не хочет.[5]

Я ошеломленно отпрянула. Видимо, эта женщина перепутала маму с кем-то еще.

– Она взяла такое имя? Моя мама, Эрин Бурман?

Эх, если бы я прихватила ее фотографию! Только у меня не сохранилось ни маминых снимков, ни снимков других родственников. Я стала описывать:

– Похожа на меня. Чуть ниже, наверное. Волосы черные. Густые, длинные. Глаза голубые. Любит… любит выпечку. И чай с лимоном. И желтые нарциссы. Мама… немножко затворница.

Амамус снисходительно улыбнулась, рот был полон мороженого.

– Я знаю сестру Анахату.

– Вы хотите сказать, что сестра Анахата – это Эрин Бурман?

– Под таким именем мне никто не известен.

---

[5] Анахата – сердечная (четвертая) чакра в традициях индуизма и буддизма. На санскрите это слово означает «невредимое, духовное место».

Разочарование росло, и я стиснула кулаки. Я проделала столь долгий путь не для того, чтобы разыгрывать тут комические сценки с каламбурами!

– Хватит! Если вам известно что-нибудь о моей матери, расскажите.

Амамус вздохнула и сжалилась надо мной.

– Твоя мама пришла к нам, чтобы начать новую жизнь. Отнесись к этому с уважением, пожалуйста.

– Тогда зачем вы со мной встретились? – Я была в отчаянии.

– Чтобы заверить тебя – она счастлива и здорова. Не волнуйся за нее.

– С какой стати я должна вам верить? Вы можете доказать, что знаете ее?

– Не ищи нас больше. – Амамус встала. – Будь здорова.

Она забрала мороженое и вышла, не оглянувшись.

Из интернет-издания «Слейт», опубликовано 22 сентября 2015

Вдова Чака Бурмана лишает себя жизни – виноват подкаст?

Автор – Жасмин О’нилл

Кто такая Эрин Энн Блейк Бурман, в Америке знает чуть ли не каждый.

Миссис Бурман изо всех сил старалась избежать подобной известности. Однако в 2002 году миссис Бурман, которую описывали как мягкую женщину и любящую мать, стала объектом нежелательного внимания в связи с убийством ее мужа, Чака Бурмана. (Освежить память о данном деле можно **по ссылке**.)

На этом потрясения миссис Бурман не закончились: за смертью мужа последовало публичное обсуждение его личной жизни. Роман Чака Бурмана с Мелани Кейв, замужней соседкой и матерью Уоррена, стал главной новостью и попал на первые полосы газет. По заявлению местной прессы, подробности отношений Бурмана и Мелани Кейв были важны для дела, поскольку являлись мотивом убийства; однако кое-кто возражал, что сальные детали печатали ради сенсации.

Внезапная смерть мужа, публичное уничтожение брака и суд, во время которого миссис Бурман провела в свидетельском кресле около трех часов, – все это постепенно расшатало ее и без того хрупкое эмоциональное здоровье. Она оставила родной город и уехала в Северную Калифорнию, в коммуну «Общины жизненной силы», или ОЖС. (Хотите узнать про ОЖС больше? Ознакомьтесь по ссылке с нашим пособием по сектам, которыми руководят известные личности.)

Члены ОЖС обычно отрекаются от тех, кто не входит в секту, и миссис Бурман – или сестра Анахата, как она себя назвала, – не стала исключением. Она бросила шестнадцатилетних дочерей-близнецов на попечение своей сестры, Амелии Келли, учительницы средних классов в Элм-Парке.

Источник из ОЖС, пожелавший остаться анонимным, рассказал мне, что миссис Бурман была в коммуне счастлива. «Сестра Анахата излучала любовь и удовлетворение жизнью. Она служила всем нам примером».

И вот недавно Интернет взорвал подкаст, озаглавленный «Пересмотр дела: убийство Чака Бурмана». Подкаст якобы проводит повторное расследование, с точки зрения беспристрастной третьей стороны, однако кое-кто возражает, что он из разряда тех же лженовостей, которые причинили столько страданий миссис Бурман после смерти мужа.

Поппи Парнелл, ведущая подкаста, называет себя «журналистом-расследователем». В прошлом она вела

блог, посвященный преступлениям и ныне закрытый. Его часто критиковали за охоту на ведьм и очернение невиновных. На мисс Парнелл и ее блог дважды подавали иски за клевету; оба раза жалобы улаживали миром, не доводя до суда.

Удивительно, откуда же у блогера уровня мисс Парнелл ресурсы на столь громкий проект? Все вопросы отпадают, когда мы слышим, кто именно обеспечивает финансирование и производство «Пересмотра»: «Werner Entertainment Company», с упором на слово «энтертейнмент» (все помнят, что оно означает зрелища и увеселения?). Это те самые ребята, которые представляли нам «Реальные дневники метамфетаминового наркомана» и «Педофилию из первых рук». «Werner Entertainment» резко критиковали за то, что они берутся за серьезные темы и низводят их до уровня развлекательного шоу.

Впрочем, если оставить истоки и мотивы «Пересмотра» в стороне, то любой согласится, что подкаст оказался очень успешным. Более десяти миллионов скачиваний. На многочисленных форумах, сайтах и интернет-страницах обсуждается дело. Все это не может не радовать мисс Парнелл и «Werner Entertainment».

Однако миссис Бурман такой успех подкаста радости не принес. Мой источник в ОЖС рассказывает, что вскоре после первого выпуска «Пересмотра» на землях ОЖС начали появляться журналисты и любопытные граждане. Это само по себе удивительно: ОЖС хранит

местоположение коммуны в большой тайне. Желающие вступить в секту должны сначала встретиться с ее представителем в Сан-Франциско, пройти проверку и лишь затем получить разрешение на путешествие в севернокалифорнийскую коммуну. То, что некие индивидуумы обнаружили ее местоположение, говорит об их чрезвычайно сильном увлечении проектом, на грани одержимости. Наплыв посторонних нарушил течение жизни в коммуне и, по словам источника, осквернил некоторые знаменательные события.

Источник вспоминает одно такое святое торжество – обряд «созревания», которым отмечают превращение девочки в женщину. Церемонию сорвали подростки, человек восемь-десять, так называемые фанаты «Пересмотра»; они переоделись в ритуальные мантии, украденные из прачечной, и попытались заснять обряд на смартфоны. Когда непрошеных гостей разоблачили, те повели себя агрессивно: начали осыпать членов ОЖС ударами и выкрикивать угрозы в адрес миссис Бурман.

Мой источник утверждает, что происшествие на церемонии созревания стало началом черной полосы для миссис Бурман. «С момента воскрешения интереса к смерти ее мужа сестра Анахата была подавлена. Проводила все время в уединенной хижине, куда наши сестры и братья удаляются, если хотят помедитировать в поисках ясности или если они больны инфекционной болезнью. Сестра Анахата отказывалась участвовать в совместных трапезах. Она угасала».

А вчера утром повесилась на дереве – насколько

известно моему источнику, не оставив предсмертной записки.

Смерть миссис Бурман нанесла тяжелый удар ОЖС. «В обычном мире сестру Анахату преследовали печали и горести, – говорит источник. – Потому она и пришла к нам, в “Общину жизненной силы”: захотела разорвать порочный круг безысходного отчаяния. Сестра Анахата усердно трудилась, чтобы оставить прошлое позади, и жила в радости. Когда же из внешнего мира хлынула тьма и повлекла сестру Анахату за собой, нам следовало это заметить. Следовало быть восприимчивей к ее душевному состоянию. Однако нас поглотили заботы по поддержанию привычного жизненного уклада в условиях столь пристального внимания к коммуне. Мы занялись другим и бросили сестру в беде. Кровь сестры Анахаты на наших руках».

ОЖС берет на себя ответственность за смерть Эрин Бурман. Однако какую часть этой ответственности следовало бы переложить на плечи Поппи Парнелл и ее патронов из «Werner Entertainment»? Или на тех из нас, кто жадно глотал каждый новый выпуск подкаста? Или азартно щелкал на иконку сайта reddit.com и обменивался там гипотезами? Или разыскивал в «Гугле» участников этой непридуманной жизненной драмы? Возможно, большой ажиотаж вокруг трагедии длиной в тринадцать лет стал непосильной ношей для Эрин Бурман. Возможно, на руках каждого из нас есть немного крови.

Глава 5

Я приземлилась в аэропорту О'Хара усталая и с головной болью. Последний раз я стояла в этом шумном зале десять лет назад, убитая горем и доведенная до отчаяния. Тогда я уехала рано утром, пока тетя А. и Эллен еще спали, и проплакала почти всю дорогу. Когда добралась до аэропорта, слез уже не осталось. В голове болезненно пульсировало от рыданий, в горле першило, опухшие глаза жгло. Я стиснула в ладони посадочный талон – билет в один конец, в Лондон, оплата с кредитки, полученной от тети на крайний случай, – и паспорт, оформленный для не состоявшегося путешествия в Мексику на весенних каникулах, и набрала тетин номер.

Она ответила сонным голосом, и я почувствовала себя виноватой.

– Тетя А., – с трудом произнесла я.

– Джози? – тут же встрепенулась она. – Ты в порядке?

– Нет. – Вновь подступили рыдания. – Не в порядке.

– Ранена? Где ты? Расскажи, что стряслось.

– Спроси у моей сестрицы, – неожиданно ядовито выпалила я. – Не хочу об этом говорить. Просто звоню сообщить, что домой я не вернусь.

– Успокойся. Что натворила Лани?

Ее имя едва не вызвало у меня новый приступ истерики.

– Я не хочу… Не могу. Прости. Но, пожалуйста, знай, я

тебя очень люблю. И буду страшно по тебе скучать. Напишу, когда…

– *Джозефина Мишель*! – перебила тетя звенящим голосом. – Ты *не бросишь* меня, как бросило все остальное семейство!

– Мне пора, – прошептала я. – Машина на долгосрочной стоянке в аэропорту О'Хара. Прости.

Хуже всего было то, что жалости я не чувствовала. Ну, почти не чувствовала. Тетя – добрейшая женщина, с невероятным терпением, умеющая прощать как никто… Следовало хотя бы ощущать себя виноватой, ведь я причиняла ей боль. Однако меня настолько поглотила боль собственная, что я не могла считаться ни с чьими чувствами.

Словом, я отключила телефон, оборвав тетины возражения, затем сняла максимально возможную сумму с кредитки, купила в книжном триллер за непомерную цену – и стала ждать путешествия в новую жизнь.

* * *

Я не сообщала о задержке рейса и втайне надеялась, что Эллен в аэропорту не окажется. Тогда я полечу обратно и буду в Бруклине еще сегодня. Или пересижу в отеле несколько дней – подальше от надоедливого семейства, благонамеренного Калеба и каждого, кто считает смерть моего отца увеселительным мероприятием. Или растянусь на полу в зале

ожидания и посплю.

Эллен стояла у багажного отделения: черное прямое платье длиной чуть выше колен, откинутые назад золотистые волосы, на макушке огромные черные очки от солнца, покрытые автозагаром руки упираются в бока. Похоже, она вновь перестала есть, худые руки и узкие бедра выглядели несколько комично по соседству с бюстом, который Питер подарил ей на последний день рождения. Несмотря ни на что, при виде Эллен я невольно улыбнулась. Она была все такой же: поджимала наколотые коллагеном губы и с хорошо знакомым презрительным выражением лица оглядывала немытые народные массы. Я подошла к ней со спины и заключила в объятия.

К моему удовольствию, Эллен взвизгнула и отскочила. При виде меня ее праведный гнев перерос в тревогу.

– Господи боже, Джози, что ты с собой сделала?!

– Только с волосами. – Я смущенно провела по ним ладонью.

– Хвала небесам, что только с волосами. Запишу тебя к маминому мастеру. Не переживай.

Никто и не думал переживать. Я уже успела оценить, насколько точно взъерошенная короткая стрижка отражает взъерошенное состояние моей психики, но покорно кивнула. Я давно уяснила, что спорить с Эллен бесполезно – по любому поводу, а насчет прически в особенности.

Получив багаж, я последовала за кузиной к автомобилю.

Она беззаботно сострила по поводу состояния моего чемодана, подождала, пока я засуну его в багажник, и крепко прижала меня к своему тощему телу, едва не удушив запахом «Шанели № 5».

– Ужасно рада твоему приезду! – объявила Эллен и оттолкнула меня так же неожиданно, как перед тем обняла. – Я скучала по тебе, поганка. Господи, давно же мы не виделись.

– Я тоже скучала, Эллен, – улыбнулась я. – Рада тебя видеть. Даже при таких обстоятельствах.

Ее лицо смягчилось.

– Соболезную тебе насчет мамы, золотко.

– Да, – кивнула я. – Спасибо.

– Хочешь об этом поговорить?

– Нет. – Я села в машину. – Хочу хоть ненадолго отвлечься, подумать о чем-то другом. Расскажи о себе. О работе.

Эллен была, как всегда, счастлива получить слушателя. Она развлекала меня рассказами о своем бизнесе по дизайну интерьеров, о падчерицах, о будущем путешествии в Венецию вдвоем с Питером. Я радовалась неумолкающему потоку легкой болтовни, пока указатель на Элм-Парк не вернул меня в реальность.

– Эллен, – прервала я монолог о трудностях изучения итальянского, – Лани будет?

Кузина опустила солнечные очки на глаза.

– Я говорила, что Изабелла хочет съехаться с парнем? Я знаю, ей двадцать, и она может поступать по-своему, но счи-

таю это ошибкой. Твержу ей: «Конечно, я тебе всего лишь мачеха, только никто не станет покупать корову, если молоко будут давать и так».

– Я живу с парнем.

– Ой, точно. – Эллен картинно прикрыла рот рукой, изобразив поддельное смущение. – Не обижайся, дорогая.

Я понимала, что подыгрываю ей, и все же не могла удержаться.

– Плюс ты на – сколько? – всего на восемь лет старше Изабеллы? Она тебя хоть слушает?

– Отчего же ей не слушать? Я молода, красива – и замужем за богачом. Значит, я кое-что смыслю. – Эллен посмотрела на меня. – Шучу, Джози. Можешь посмеяться.

Эллен, высмеивающая саму себя? Это развеселило меня куда больше ее так называемой шутки, и я действительно расхохоталась.

– Ты не шутишь, и мы обе это знаем. А теперь скажи, будет ли на похоронах Лани?

Эллен вздохнула.

– Конечно. Твоя сестра, может, и бестолочь, но она не пропустит похороны собственной матери. А ты чего ожидала?

Я обмякла в глубоком сиденье.

– Опасалась, что Лани умерла.

– Не драматизируй. – Эллен стиснула мое плечо. – Попытайся о ней не думать, ладно, золотко? Неделя будет тяжелой и без тревог о сестре.

Я кивнула, но сердце у меня екнуло – если речь заходила о Лани, повод для тревоги находился всегда.

* * *

В семи милях к северу от Элм-Парка мы пересекли знакомую гравийную дорогу, вьющуюся меж двух высохших кукурузных полей и изрытую колеями. Как же хотелось свернуть туда и проехать до самого конца, где стоит – или, по крайней мере, когда-то стоял – фермерский дом. Глупое желание, конечно. Ничего родного там уже не осталось. Бабушка с дедушкой умерли пятнадцать лет назад, а новые владельцы наверняка сровняли дом с землей и на его останках занялись промышленным животноводством.

– Семейный фермер – вымирающий вид, – сказал как-то дедушка, раскуривая трубку.

Мы вдвоем сидели на крыльце, мне было десять лет, и я не понимала, о чем он рассуждает, но хотела, чтобы меня считали умной – куда умнее сестры и кузины, которые на заднем дворе ссорились из-за акварельных красок, – поэтому я глубокомысленно кивала. Поняла сказанное лишь спустя годы, когда дедушки не стало. Мама с тетей А. продали ферму – и купила ее корпорация, а не крестьянская семья. Не сидел больше во дворе добродушный мужчина с тягучим говором, а приветливая женщина не пекла яблочных пирогов и не ухаживала заботливо за цыплятами. На смену им пришел

холодный, безликий бизнес.

В голове не укладывалось – наша ферма стала всего лишь пунктом в перечне корпоративных активов. Мы проводили на ней почти каждые выходные, и я хранила приятные, окрашенные теплыми коричневатыми тонами воспоминания о том, как мы гоняли цыплят и играли в прятки в амбаре. Особенно врезалось в память празднование Четвертого июля двухтысячного года.

Мы все вместе в последний раз: не пройдет и месяца, как бабушка с дедушкой погибнут из-за пьяного водителя, а еще через три месяца дядя Джейсон уйдет от тети А. Семья Кейвов уже поселилась с нами по соседству. Начало конца.

Однако мы не подозревали о своей судьбе и потому праздновали. Дядя Джейсон съездил в Индиану и накупил фейерверков, отчего мама с тетей А. неодобрительно зацокали языками, а в глазах у дедушки с папой вспыхнул озорной огонек. Пока ждали наступления темноты, взрослые готовили пиршество. Дедушка надзирал за папой и дядей Джейсоном, а те жарили на решетке гамбургеры и куриные грудки, пили пиво и тихонько рассказывали неприличные анекдоты. Мама выставила целую батарею салатов: зеленый, макаронный, картофельный. Тетя А. перестаралась с вином и испортила почти все фаршированные яйца, которые ей доверили готовить. При этом она неустанно, хоть и не очень разборчиво, пела «Америка прекрасная». Бабушка испекла на десерт три пирога, в том числе и папин любимый, пекановый, – и

не важно, что пирог вообще-то зимний, посмеивалась она.

Перекусив полужидкими фаршированными яйцами, мы с Эллен и Лани пробрались к пруду. В нем еще ребенком утонул мамин младший брат, и нам запрещали играть здесь без присмотра – но в то лето мы, двенадцатилетние и почти взрослые, уже не считали нужным подчиняться таким правилам. Мы соорудили удочки из веток, зубной нити и булавок; в качестве наживки использовали старые чипсы и кусочки украденного мясного фарша. Ни то, ни другое не соблазнило рыбу, в наличии которой мы не сомневались.

Лани заметила лягушку и наклонилась вперед, пытаясь подцепить добычу. Однако переоценила устойчивость илистого берега и кубарем полетела в воду. Глубина была маленькой, от силы пару футов, однако Лани упала с эффектным всплеском и вынырнула мокрая насквозь и вся покрытая тиной. Эллен с отвращением поморщилась – и другого приглашения Лани не понадобилось. Она рванула с места, вдогонку за Эллен, вытянув грязные руки вперед на манер зомби. Я неслась за Лани и визжала от восторга. Она догнала Эллен, когда мы поравнялись со взрослыми, и мазнула зеленой тиной по лицу и золотистым волосам кузины. На мгновение воцарилась тишина, спокойствие перед бурей, а потом Эллен завопила. Мама была в ужасе от поведения Лани, но папа с тетей А. хохотали до слез, да и бабушка с трудом сдерживала смех, пока вела Эллен и Лани за дом – окатить их из шланга.

Вечером, когда солнце ушло за горизонт, мы жарили на костре зефир, а дядя Джейсон устанавливал фейерверки. Лани приготовила трехслойный бутерброд из печенья, шоколада и зефира для Эллен, и та – на калориях она помешается еще не скоро – слопала угощение с наслаждением. Инцидент с тиной остался позади. Мы были семьей, и ничто не могло между нами встать.

По крайней мере, мы так думали.

* * *

На лбу выступил холодный пот – впереди вырос указатель «Добро пожаловать в Элм-Парк». Кукурузные поля сменились скучной сеткой из мощеных улиц и квадратных газонов. Когда-то Элм-Парк был оживленным городком с хорошими перспективами, но, как и во многих среднезападных городках до него, все большие планы сошли на нет. Еще до моего отъезда город лишился первой фабрики – ее перебазировали в страну с дешевой рабочей силой; в последующие годы та же судьба постигла остальные промышленные предприятия, а также гипермаркеты и оба кинотеатра. Все это Эллен рассказывала мне, пока мы приближались к черте города; причем рассказывала таким тоном, что я ожидала увидеть поселение-призрак с заколоченными зданиями и обветшалыми домами.

Однако Элм-Парк выглядел таким же, каким я его пом-

нила. Указатель по-прежнему представлял собой побитый дождями овал с выцветшими зелеными буквами и облупившейся краской на окантовке из ильмовых листьев. За указателем виднелось темное, массивное здание больницы, а на другой стороне улицы – магазин «Севен-элевен», возле которого несколько подростков лениво потягивали фирменную замороженную газировку. Казалось, если подъехать ближе, то я их узнаю.[6]

Чушь, конечно. Любой юнец, слоняющийся возле круглосуточного магазина, был для меня слишком мал – я не могла его знать, пока жила в Элм-Парке. Однако, чем дальше ехали мы с Эллен, тем отчетливее становилось ощущение нетронутого временем городка. Самыми заметными переменами оказались новенькая спортивно-игровая площадка в начальной школе да пара-тройка незнакомых ресторанчиков по соседству. Мы миновали «Закусочную Рея», и воспоминания захлестнули меня с такой силой, что я едва сдержала крик; пришлось впиться пальцами в сиденье.

…Незадолго до нашего с Эллен отъезда в колледж тетя вдруг не на шутку расчувствовалась по этому поводу. Она неделями бродила за нами со слезящимися глазами, предлагала отвезти в торговый центр или бассейн, хотя у нас обеих были водительские права (а шататься по торговым центрам мы бросили еще несколько лет назад). Я чувствовала себя

---

[6] Elm – по-английски название дерева ильм (вяз), очевидно давшее название городу Элм-Парк.

немного виноватой, но знала – тетя не желает нам застрять в Элм-Парке навсегда.

А вот Лани, похоже, настроилась именно на это. В прошлом мы любили гулять по студенческому городку Элм-Паркского колледжа вместе с папой и представлять наше собственное поступление туда (комнату в общежитии, где мы поселимся вдвоем; предметы, которые станем штудировать; пикники во дворе), тем не менее все изменилось. Я выбрала Иллинойский университет, где получали образование тридцать две тысячи студентов – на десять тысяч больше, чем население Элм-Парка, – тогда как Лани вообще отвергла мысли о колледже. Она с трудом закончила школу и отказалась учиться дальше, несмотря на тетины мольбы. О планах моей сестры мы не имели ни малейшего понятия. Она не жила с нами месяцами, и я не видела ее уже несколько недель. Последняя встреча была совсем короткой – я застала Лани, когда она «заимствовала» деньги из оставленного в кухне тетиного кошелька.

И все же тетя А. каким-то образом добилась от Лани обещания прийти на прощальный ужин к «Рею». По такому случаю тетя нарядилась в шелковую тунику, скрадывавшую чуть полноватую фигуру, и накрутила на бигуди длинные каштановые волосы; мы с Эллен последовали тетиному примеру – надели платья-сарафаны с юбкой клеш и накрасили губы помадой. Время резервирования наступило и прошло, Лани не объявилась. Мы втроем бездумно щипали хлеб, тетя

упрямо отсылала официанта с заверениями, что четвертый сотрапезник «подойдет с минуты на минуту».

Вскоре ни Эллен, ни официант уже не скрывали раздражения, и тетя сдалась. Едва официант исчез в кухне с нашим заказом напитков и закусок, в ресторан, как по команде, влетела сестра. В зале, полном нарядных людей, Лани предстала в белой футболке с порванной горловиной, обрезанных джинсовых шортах и грязных ботинках-мартенсах. Косметика размазалась по лицу, подводка для глаз образовала на нижнем веке зловещие тени. Украшение-пирсинг в носу потускнело; на нем, похоже, запеклась кровь. Судя по виду, Лани не мылась много дней. И она явно была под кайфом.

– Вот и я! – громко провозгласила Лани, привлекая внимание всех в зале.

– Лани! – шикнула тетя и ткнула в пустое кресло. – Сядь.

Сестра ухмыльнулась и рухнула на сиденье.

– Как мило, что ты к нам присоединилась, – съязвила Эллен.

Тетя наградила ее предостерегающим взглядом и обратилась к Лани:

– Мы только заказали напитки и закуски. Ты уже решила, что будешь? Я приглашу официанта.

Лани махнула рукой в мою сторону, не глядя мне в глаза.

– Буду то же, что и она.

Тетя позвала раздосадованного официанта и заказала диетическую кока-колу и овощной салат с зеленью.

– О чем беседовали? – спросила Лани, развалившись в кресле.

Взгляд остекленелых красных глаз перескакивал с тети на Эллен и обратно, по-прежнему избегая меня.

– О тебе, – сказала кузина.

Я пнула ее под столом, она сердито посмотрела на меня.

– Мы обсуждали, как здорово, что Эллен и Джози едут завтра в колледж, – бодро сообщила тетя.

– Да, прям зашибись какая радость, – заявила сестра с кривой улыбкой.

– Эй, – одернула я, – давай полегче!

Эллен хмыкнула, а тетя одарила меня взглядом, в котором в равной мере смешались огорчение и сочувствие. Лани села прямо, закачала головой, будто змея перед нападением, и открыла рот как раз в момент появления официанта с напитками и салатами.

– Я этого не хочу, – заявила Лани, когда он поставил перед ней тарелку.

Официант нерешительно посмотрел на тетю.

– Не хочу! – Лани повысила голос. – Убери от меня эту хрень.

– Разумеется, мэм, – сквозь зубы произнес официант и забрал салат.

– Вкусно. – Я отправила в рот вилку точно такого же салата.

– Можно подумать! – Сестра оглядела нас всех, встала и

швырнула салфетку на сиденье. – Мне надо пописать.

Мы жевали пятнадцать минут в молчании, затем тетя пошла проверить туалет. Еще до ее возвращения я поняла, что Лани исчезла.

Ветка обсуждения на www.reddit.com/r/reconsideredpodcast, опубликовано 20 сентября 2015

Почему мы должны ей верить? (self.reconsideredpodcast)

опубликовал(а) 12 часов назад notmyrealname

Не выходит из головы вторая серия. Просто вынос мозга – Уоррена обвинили на основании таких несущественных доказательств! Вот я и думаю: почему мы должны верить Лани? Все поверили ей на слово, но почему? Тем более она уже соврала в первый раз.

spuffyshipper 150 очков 12 часов назад

Думаю о том же. Ее что, тогда не допрашивали?

armchairdetective38 89 очков 12 часов назад

Она была ключевой свидетельницей обвинения, и сторона защиты устраивала Лани перекрестный допрос.

spuffyshipper 74 очка 11 часов назад

Но защита обвинила Лани только в том, что она «напутала», а не во лжи, так?

urugly 10 очков 11 часов назад

А чего вы от них хотели? Она – хорошенькая белая девочка, а он – большой страшный чокнутый металлист.

armchairdetective38 89 очков 11 часов назад

Лани было всего 15 лет (16 на момент суда), она пережила психологическую травму. Сторона защиты не хотела давить на такую свидетельницу, боялась настроить против себя присяжных.

miranda_309 90 очков 11 часов назад

Именно так.

Источник: Я – государственный защитник.

elmparkuser1 165 очков 12 часов назад

ИМХО, Лани Бурман – источник, не заслуживающий доверия. Я выросла в Элм-Парке. В тот год училась в девятом классе, а близняшки – в одиннадцатом. Они ходили в школу только полгода – раньше учились дома, вы помните, – но у Лани уже была паршивая репутация. Она тусовалась с отпетыми

хулиганами, вечно попадала в неприятности. Как-то я застала ее под кайфом в женском туалете, часов в девять утра. Лично я бы ни одному ее слову не поверила.

Глава 6

Тетя А. жила в старой части города, в окружении просторных викторианских особняков разной степени обветшалости. Некоторые, в том числе и тетин, были отреставрированы и приведены в порядок, другие же постепенно приходили в запустение, краска на них облезала, отделка разрушалась, а крыши проседали. Тетя частенько называла свое жилище бездонной бочкой по вложению средств, но на самом деле гордилась его ухоженностью. Дом с четырьмя спальнями купили еще в те времена, когда тетя мечтала жить в нем большой семьей, а по выходным вместе с мужем реставрировать особняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.